

управлять; они вероятно никогда не будут на это способны. ...Фактически управлять будет всегда небольшое меньшинство, при демократии так же, как и при самодержавии. Естественным свойством всякой власти является концентрация, это как бы закон тяготения социального порядка. Но нужно, чтобы правящее меньшинство всегда находилось под угрозой. Функция масс в демократии заключается не в том, чтобы управлять, а в том, чтобы запугать управителей». «Запугивание» при этом носит вполне мирный характер: массы как избиратели имеют право сменить правителей, которые боятся потерять власть и поэтому вынуждены соответствовать более высокому интеллектуальному и моральному уровню, быть внимательнее к потребностям избирателей.

В целом, критика Острогорским современной демократии носила умеренный характер и ориентировала политическую теорию на разработку мер по повышению эффективности и защищенности демократических институтов, наполнению их «моральным содержанием». Теоретическое наследие Острогорского, опередившее свое время, было высоко оценено авторитетным современным американским политологом *Сеймуром М. Липсетом* (род. 1922), переиздавшим «Демократию и организацию политических партий» с комментарием.

ПАРЕТО Вильфредо

Парето (*Pareto, Vilfredo*) **Вильфредо** (род. 15 июля 1848 г., Париж - умер 20 августа 1923 г., Женева) - итальянский экономист и социолог, одним из первых применивший формальные методы для анализа экономических и социальных процессов; создатель концепции «нелогического поведения» и теории циркуляции элит.

Биография и основные работы

Парето получил образование в Туринском Политехническом институте (1869). В 1870-1892 гг. сделал карьеру инженера и директора нескольких итальянских железных дорог. В 1880-х гг. увлекся изучением теоретических экономических проблем и после встречи с экономистом Л. Вальрасом, создателем теории общего экономического равновесия, получает (и впоследствии принимает) предложение занять пост профессора политической экономии в Лозаннском университете.

С 1893 г. начинается научная карьера Парето. Незадолго до смерти он был назначен режимом Муссолини членом итальянского сената: сторонник экономического либерализма, он был противником марксизма и либерального эгалитаризма, считая, что демократическое правление неизбежно перерождается в плутократию.

Автор ряда работ по экономической теории и социальным наукам, в том числе: «Курс политической экономии» (*Cours d'Economie Politique*, 1896-1897); «Социалистические системы» (*Les systèmes socialistes*, 1902); «Руководство по политической экономии» (*Manuale di economia politica*, 1906); «Трактат по всеобщей социологии» (*Trattato di sociologia generale*, 1916; англ. изд. «Разум и общество: трактат по всеобщей социологии», 1935); «Трансформация демократии» (1921) и др. Считается также, что большой вклад в развитие математических методов исследования сделан его статьей «Математическая экономика» (*Economie matématique*, 1911) во французской «Энциклопедии математических наук».

Вклад в развитие политической мысли

Диапазон научных интересов Парето был чрезвычайно широк: экономическая теория, политическая экономия, социально-политические проблемы, распределение власти в обществе, динамика общественных изменений и т. п. Достижения Парето в сфере экономических наук общепризнанны, и многие его идеи сохраняют актуальность. Парето также называют одним из величайших социологов, оставшимся вне основных интеллектуальных течений своего времени и тем не менее оказавшим большое влияние на формирование социологии. Придя к выводу, что для анализа социально-политических явлений современные ему социология и политическая экономия являются недостаточно эффективными, он увлекся социальными науками, стремясь создать новую «логико-экспериментальную науку об обществе» по подобию естественных наук. Для «новой» науки экономика и социология выступали бы как составные части (эта установка является следствием убежденности Парето во взаимосвязи социальных и экономических феноменов), а сама она должна была бы координировать и обеспечивать экспорт методов и открытий между конкретными дисциплинами для создания синтетической теории социальной системы и ее изменений.

Общество, по Парето, представляет собой *систему*, находящуюся в состоянии динамического (несовершенного) *равновесия* (концепт, перенесенный из экономических исследований; одновременно экономическое равновесие является частью общего социального равновесия), которое устанавливается в ходе различных социальных взаимодействий. Ряд исследователей, например Т. Парсонс и Л. Хендерсон, отмечали, что использование системных аналогий вероятно является основным вкладом Парето в развитие социологии: общество у Парето представлено как система взаимозависимых переменных (в виде поведений множества субъектов). Поскольку человек есть «материальная частичка, молекула» этой системы, то Парето по-своему формулирует предмет социологии - человеческое поведение, имеющее по преимуществу *иррациональный, нелогический* характер (восприятие людьми мира не соответствует тому, каков он есть на самом деле; люди не могут рационально обосновать выбранные цели). Поведение делится на логические (целенаправленные, между средствами и целью есть логическая связь) и нелогические (инстинктивные) поступки; в реальности они представлены в смешанном виде. Первые редки, а вторые, напротив, широко распространены и имеют определяющее значение для общественной жизни. Основу нелогических поступков составляют «остатки» (*residui*) - проявления различных психических состояний (чувства, страсти, инстинкты, устремления), изначально присущие человеку. Их «производные» (*derivazioni*) являются следствием способности (потребности) человека легитимизировать с помощью логики свои поступки (их цели и причины), представляя собой ложную рационализацию сугубо нелогических поступков. Среди 17 форм «производных» (в их числе простые утверждения; утверждения, подкрепленные авторитетом и т. д.) особенно важны идеологии и верования. Пятьдесят два «остатка» Парето объединил в шесть классов: I) инстинкт комбинаций; II) постоянство агрегатов; III) потребность в демонстрации собственных чувств; IV) инстинкт общительности; V) инстинкт целостности индивида; VI) инстинкт сексуальности. «Остатки» и «производные» взаимодействуют, комбинируются, определяя социальные явления и процессы, а в более общем плане, обеспечивают поддержание социальной системы в состоянии динамического равновесия. Для сферы *политики* и в целом для установления социального равновесия особое значение имеют «остатки» I и II классов. «Ос-

татки» I класса - *инстинкт комбинаций* - чаще всего встречаются у добивающихся успеха, в том числе многочисленными компромиссами, общественных деятелей-либералов и стремящихся к умножению богатства предпринимателей; для них характерны стремление и готовность к инновациям во всем, активность, авантюризм, оригинальность и *т.п.* «Остатки» II класса - *постоянство агрегатов* - присущи политикам-консерваторам, считающим высшими приоритетами закон и порядок и готовым ради их сохранения применять силу, а также рантье, для которых закон и порядок - гарантия сохранения средств; для них характерны стремление к стабильности и преемственности, лояльность властям, трепетное отношение к традициям, законопослушание, осмотрительность и *т. п.* Противоположные по направленности, «остатки» I и II классов соперничают друг с другом, определяя тем самым общий ход истории. Далее, поскольку общество - это система, находящаяся в состоянии динамического равновесия, то противоречия, связанные с соперничеством двух классов «остатков» и их распределением между социальными группами (Парето особо подчеркивает неоднородность общества), реализуются в конечном итоге как циклическая смена, чередование доминирующих установок и их носителей: «История - это могила аристократии».

Теория «остатков» и «производных» легла не только в основу концепцию циркуляции элит, но и собственно в основу деления общества на элиту и неэлиту (низшую управляемую страту общества), присущего всем без исключения обществам. Элита, по мнению Парето, - это «избранный» «класс тех, кто имеет наиболее высокие индексы в своей сфере деятельности», то есть наделен наибольшим личным потенциалом («остатками») к занятиям какой-либо деятельностью в сфере управления обществом, если речь идет о политике. Помимо правящей элиты, Парето выделяет элиту, не участвующую в управлении. Далее, «остатки» I класса, ориентированные на хитрость и обман («лисы»), и остатки II класса, ориентированные на силу и порядок («львы»), соответствуют двум принципиальным стратегиям осуществления власти - через взаимодействие и компромиссы или с опорой на насилие. Стратегии (и типы управления) циклически сменяют друг друга по мере ослабления данных «остатков» и их носителей. Если правящая элита не принимает мер против деградации (у «лис» она принимает форму радикализации и коррупции, у «львов» - консерватизма) путем рекру-

тирования новых членов из низших страт или даже самих страт (кооптация), сохраняющих необходимые качества, поддерживая тем самым в себе необходимый баланс «остатков», то может произойти революция, обновляющая правящую элиту. В сфере политики - в **военно-политическом цикле** - действуют сильные правители («львы») и хитрые администраторы («лисы»). В начале цикла правят «львы», отсюда войны, а правящая элита насыщена «остатками постоянства агрегатов» (подъем II класса «остатков» - распространены лояльность, патриотизм и т. д.). В условиях стабильности «лисы»-администраторы постепенно входят в правящую элиту, подрывая господство «львов» (спад II класса «остатков») и лишая их власти. Начинается вторая фаза цикла: «лисы» заняты внутренней политикой, перераспределением ресурсов в ущерб «силовому блоку», доминируют материальные ценности (подъем I класса «остатков»). В конечном итоге (спад I класса «остатков») происходит консервативный заговор «львов», удаляющих «лис» от власти силой (подъем II класса «остатков»). Цикл начинается заново. В экономической сфере (**индустриальный цикл**) действуют «рантье»-вкладчики и «спекулянты»-предприниматели. Доминирующие на первой фазе цикла «рантье» (II класс «остатков») ориентируются на надежную собственность, минимизацию риска, накопление, стабильный доход, что приводит к стагнации экономики и последующему спаду. Требуются масштабные изменения, и на первый план выходят «спекулянты» (I класс «остатков»). Во второй фазе цикла рискованная деятельность «спекулянтов» приводит к перегреву экономики, росту нестабильности на рынках, хаосу и беспорядкам, что вкуче провоцирует консервативный заговор «рантье». Цикл начинается заново. Сценарии данных циклов совпадают по времени. Теорию циркуляции Парето применил в «Трансформации демократии» для анализа больших социальных изменений, связав силу с централизованной властью и кооптацию различных социальных групп - с децентрализацией. Наиболее сильный режим применяет и силу, и кооптацию; чем более децентрализован режим - тем более распространена кооптация, чем более централизован - тем больше используется сила и более велика опасность культа личности. Отсюда вывод Парето о том, что усиление циркуляции элит возможно не только путем революции, но и путем стимулирования структурных изменений.

В целом, экономические и социологические концепции Парето продолжают оказывать определенное влияние на современные социальные науки, в частности в рамках теории игр.

ПАРСОНС Толкотт

Парсонс (*Parsons, Talcott*) Толкотт (род. 13 декабря 1902 г., Колорадо Спрингс, США - умер 8 мая 1979 г., Мюнхен) - американский социолог, оказавший определяющее влияние на формирование современной социологии; основатель школы структурного функционализма.

Биография и основные работы

Парсонс получил степень бакалавра с отличием в Амхерстском колледже (Массачусетс) в 1924 г.; проходил обучение в магистратуре Лондонской школы экономики; в 1927 г. защитил докторскую диссертацию в Гейдельбергском университете (Германия). В 1927-1931 гг. преподавал экономику, в 1931-1946 гг. преподавал социологию на факультете социологии, созданном русским ученым П. А. Сорокиным, в Гарвардском университете. В 1946-1956 гг. - заведующий кафедрой социальных отношений Гарвардского университета, где занимался профессорско-преподавательской деятельностью вплоть до выхода на пенсию в 1973 г. В 1949 г. Парсонс избран президентом Американской социологической ассоциации.

Автор многочисленных работ по теоретической социологии, среди которых особо выделяются: «Структура социального действия» (*The Structure of Social Action*, 1937); «Эссе по социологической теории» (*Essays in Sociological Theory*, 1949); «Социальная система» (*The Social System*, 1951); «К общей теории действия» (*Towards a General Theory of Action*, 1951; соавт. Э. Шилз), «Экономика и общество» (*Economy and Society*, 1956; соавт. Н. Смелзер); «Структура и процесс в современном обществе» (*Structure and Process in Modern Societies*, 1960); «Общества в эволюционной и сравнительной перспективе» (*Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*, 1966); «Теория социологии и современное общество» (*Sociological Theory and Modern Society*, 1967); «Политика и социальная структура» (*Politics and Social*

Structure, 1969); «Система современных обществ» (*The System of Modern Societies*, 1971); «Теория действия и человеческое существование» (*Action Theory and Human Condition*, 1978) и др.

Вклад в развитие политической мысли

Парсонс видел свою главную научную задачу в создании общей социологической теории, которая бы системно объединяла в максимально полном объеме эмпирический и теоретический материал всего комплекса социальных наук, что потребовало обращения к трудам крупнейших теоретиков социальной мысли, в частности М. Вебера, Э. Дюркгейма, В. Парето, Ф. Тенниса, А. Маршалла, Г. Спенсера, З. Фрейда и многих других и использования биологических аналогий и современных психологических, системных, кибернетических и др. научных представлений. Саму же социологическую теорию Парсонс понимал как аспект «теории социальных систем, который занимается явлениями институционализации образцов ценностной ориентации в социальной системе, условиями этой институционализации и изменениями в образцах, условиями подчинения им и отклонения от какой-либо совокупности таких образцов, а также мотивационными процессами, поскольку они содержатся во всем этом» (цит. по «Структура социального действия»). Для политологии оказались особенно полезны положения Парсонса о природе и особенностях социальных систем и порядка, о сущности социально-политических феноменов, таких как политика, власть, актор и др.; структурно-функциональный анализ, на разработку принципов которого Парсонс оказал серьезное влияние, является одним из основных методов политических исследований.

Первоначально Парсонс определял социальную систему как «*модель организации элементов действия, соответствующих последовательности или упорядоченному набору изменений интегративных образцов множества индивидуальных акторов*». Социальная система, таким образом, предполагает наличие трех подсистем: 1) личностная система (акторы); 2) система культуры (ценности и нормы); 3) физическое окружение, на которое общество должно ориентироваться. Изучая систему действия, состоящую из особым образом организованных единичных актов, Парсонс пришел к выводу, что для существования любой системы необходимо, чтобы она удовлетворяла четырем *системным* (иначе, функционально необходимым) условиям:

адаптации (A), целеполагания (G), интеграции (I) и латентности (L) - данная концепция широко известна под названием AGIL; поэтому в системе образуются четыре подсистемы с соответствующими функциями: 1) подсистема, реализующая адаптацию системы к своему окружению (адаптация); 2) подсистема, обеспечивающая определение иерархии целей, предназначенных к достижению, и мобилизующая ресурсы системы для их достижения (целеполагание); 3) подсистема, обеспечивающая единство всей системы путем внутренней координации ее элементов (интеграция); 4) подсистема, поддерживающая равновесие и воспроизводство системных образцов (латентность, иначе поддержание образца). Подсистемы образуются путем закрепления и воспроизводства (институционализации) ролей и специализаций отдельных элементов системы. В *системе действия* Парсонс выделял следующие подсистемы (являющиеся системами в отношении более низких в кибернетической иерархии систем): 1) биологическая система (организм), выступающая посредником между материальным и идеальным (нормы, ценности, значения) и выполняющая функцию адаптации; 2) система личности, выполняющая функцию целеполагания и формирующаяся в процессе социализации индивида, т. е. внедрения ценностей и норм; 3) социальная система, выполняющая функцию интеграции и представляющая собой управляемую ценностями совокупность ролевых статусов, указывающих на оптимальные действия; 4) культурная система, являющаяся совокупностью «исторического опыта», т. е. идей, идеалов, ценностей, ориентаций, ролей и пр., и выполняющая функцию поддержания системного образца путем создания социальных норм, исходя из «исторического опыта», и социализации индивида.

Подход Парсонса можно использовать для анализа других систем/подсистем, например, *социальной системы*, которая предстанет в следующем виде: 1) экономическая система, выполняющая функцию адаптации и являющаяся посредником и связующим звеном между социальной организацией и природным окружением; 2) политическая система, выполняющая функцию целеполагания и включающая в себя все формы принятия решений, стандартизации целей и мобилизации ресурсов на их достижение; 3) система социетальной общности, выполняющая функцию интеграции и включающая в себя институты социального контроля; 4) система социализации, выполняющая функ-

цию «поддержания образца» путем включения индивида в существующие культурные системы. Подсистемы социальной системы связаны между собой «средствами обмена», которые представляют собой деньги (A), власть (G), влияние (I) и обязательства (L); причем власть понимается «как посредник, тождественный деньгам, циркулирующий внутри... политической системы, но выходящий далеко за рамки последней и проникающий в три функциональные подсистемы общества... - экономическую подсистему, подсистему интеграции и подсистему поддержания культурных образцов».

Парсонс также занимался проблемами социокультурной эволюции общества, понимая ее как процесс развития от простых форм к более сложным через деление, дифференциацию и последующую интеграцию. Изучая природу современных обществ, Парсонс выдвинул концепцию трех соизмеримых по значению для становления обществ современности революций - промышленной, демократической и образовательной, которые укладываются в «парадигму прогрессивных изменений», включают «в себя главные процессы дифференциации, связанные с предыдущим состоянием современного общества», выступают в качестве «главных двигателей подъема цивилизации, способствуя колоссальному повышению уровня обобщенности и увеличению подвижности общественных ресурсов», что свойственно только обществам современности. Парсонс предположил, что все три революции имеют общие основания, а именно: расширение экономической дифференциации и подъем экономической деятельности на индустриальный уровень; мобилизацию глубинных факторов политической эффективности, связанных с рациональной легитимацией власти, и мобилизацию культурных ресурсов в социетальных интересах. В контексте поиска основы, стоявшей за этими тремя революциями, Парсонс обратился к изучению возможности того, что «истинное начало современной фазы социетального развития состоялось задолго до возникновения трех революций и в такой культурной и социетальной среде, которую можно было бы представить как заложившую общие для всех трех фундаментальные основания». Парсонс пришел к выводу, что для этого нужно рассмотреть процессы, происходившие в XVII в. в Англии, Франции и Голландии, где ощущалось сильное влияние аскетического протестантизма и идей Ренессанса. Парсонс отмечал, что «если мыслить в категориях культурной основы (особенно религии и науки),

правового порядка и политической организации, то эти три страны заложили в XVII в. несколько главных составных частей эпохи «современности», стали первичным центром всемирного процесса модернизации. Парсонс попытался также истолковать генеральный вектор развития современной системы обществ путем сопоставления образцов социальной структуры (добровольные гражданские ассоциации и иерархические бюрократии) и «относительно монолитных и более плюралистических типов структуры» в исторической динамике. Ученый пришел к выводу, что фундаментальные структурные сдвиги в обществе в XVIII-XIX вв. происходили «в сторону плюрализации организаций ассоцианистского типа» (проявлениями этого процесса стали, например, реформы законодательных систем, зарождение и последующий расцвет парламентаризма, быстрое развитие науки и рыночной экономики), и на само это время пришелся триумф «принципов ассоцианизма и плюрализма». В результате, в XX в. то общество, которое развивается в Северной Америке на основе этих принципов, начало играть роль, в чем-то аналогичную роли «колыбели современности», то есть европейского северо-запада в XVII веке. В этом самом модернизированном обществе можно усмотреть следующие черты: децентрализованное демократическое управление, федерализм и разделение властей, законодательство об отделении церкви от государства, плюрализм вероисповеданий и способность ассимилировать (хотя и далеко не полностью) большие группы религиозных и этнических иммигрантов.

ПЛАТОН

Платон (*Platon*; род. 428/427 г. до н.э., о. Эгина близ Афин (по другим данным, в Афинах) - 348/347 г. до н. э., Афины) - древнегреческий философ, самый знаменитый ученик Сократа и наставник Аристотеля; основоположник традиции объективного идеализма в философии; мыслитель, в значительной степени определивший европейский стиль мышления.

Жизнеописание и основные сочинения

Платон (при рождении получил имя Аристокл (греч. *лучший*) родился в прославленной аристократической семье: со стороны отца род Платона восходит к царю Аттики - Кодру, со стороны матери - к роду Солона, одного из семи мудрецов и первого законодателя полисной демократии Греции, а также к афинскому политическому деятелю Критию, который, по-видимому, ввел Платона в число учеников Сократа. Платон получил исключительное даже для представителя аристократического рода образование: изучал философию у Кратила, последователя Гераклита; по преданию, стал известным как лирический и драматический поэт; занимался живописью, музыкой, гимнастикой, борьбой и т. д. По одной из версий, именно за спортивные успехи получил имя «Платон» («широкоплечий» от греч. *piatos* - широта, глубина). По другой версии имя «Платон» было дано ему Сократом и означало «широколобый».

К моменту встречи с Сократом примерно в 407 г. до н. э. Платон уже сложился как личность с определенными взглядами и жизненной позицией, предполагавшей, помимо прочего, некоторую дистанцию от бурных политических событий в Афинах. Семилетнее (407-399 гг. до н. э.) ученичество у Сократа очень изменило Платона, дало импульс к самостоятельному философствованию, в основе которого т. н. сократический метод. Осуждение Сократа и вынесенный ему смертный приговор заставили Платона надолго покинуть Афины: он посетил Египет (особенно долгим было его пребывание в религиозном и жреческом центре Гелиополе), где занимался изучением астрономии, математики и т.д.; побывал в Южной Италии и на Сицилии, где познакомился с учениями пифагорейцев (сильное впечатление на Платона произвел пифагорец Архит), Горгия и атомиста Демокрита; по приглашению правителя-тирана Дионисия Платон приехал в Сиракузы с надеждой «просветить» правителя, оказать на него благотворное влияние, но вскоре был вынужден бежать из-за угрозы жизни: Платон даже был продан в рабство, но друзья смогли освободить философа. Однако Платон, серьезно рискуя жизнью, два раза (в 366 и 361-360 гг. до н. э.) возвращался в Сиракузы для того, чтобы воплотить в жизнь идеи относительно просвещения правителей с тем, чтобы во главе государства стояли философы. Все попытки Платона добиться этой цели провалились.

После почти двенадцатилетних путешествий (399-387 гг. до н. э.) Платон возвратился в Афины, где основал в роще в пригороде Афин школу, названную в честь местного героя Академа **Академией**, в которой молодые люди получали философское и научное образование. Платон преподавал в основанной им Академии до конца жизни, превратив ее в духовный центр греческого мира. Что касается Академии, то она просуществовала почти 1000 лет и ее воспитанниками были многие видные философы (Аристотель) и политики (Демосфен).

Автор многих текстов, в том числе: текст речи Сократа в суде («Апология Сократа»); 25 диалогов, в том числе: «Критон», «Лисид», «Протагор», «Горгий», «Менон», «Кратил», «Федон», «Пир», «Федр» (изложение учения об идеях), «Парменид», «Софист» (диалектика категорий), «Тимей» (натурфилософия) и др., достоверность которых подтверждена; недиалогическое сочинение «Законы» и 13 авторских писем. Помимо вышеперечисленного, Платону, возможно, принадлежит авторство еще более 10 работ.

Важнейшими сочинениями, в которых излагаются взгляды Платона на политику, являются: «**Государство**» (1 книга написана в ранний период творчества - 90-е годы IV века до н. э.; 2-10 книги - в зрелый период, т.е. в 70-60 годы IV века до н. э.); диалог «**Политик**» (зрелый период творчества); «**Законы**» (поздний период творчества - 50-е годы IV века до н. э.).

Вклад в развитие политической мысли

Платон является, вероятно, первым крупнейшим европейским философом, создавшим относительно целостную концепцию государства (хотя и в специфической идеально-утопической форме) и ставшим одним из основоположников этической традиции изучения политики, которая нашла воплощение в модели **совершенного государства**. Взгляды философа на политическую проблематику не только отражали уmonoстроения и общественную практику людей его эпохи, античный способ осмысления роли и места человека в социально-политической структуре, но также отличались и известной оригинальностью. Его труд «Государство», на создание которого Платону потребовалось несколько десятков лет, и диалог «Политик», а также недиалогическое произведение «Законы» являются исключительно важными работами по политической философии, оказавшими определяющее влияние на

ее развитие. В центре внимания Платона в этих работах находится большое количество разнообразных вопросов, в том числе общеполитического характера, касающихся государства, его целей и основ, человека, общества, законов, а также позитивная программа политического переустройства, которая сформулирована в модели идеального (известного еще как «платоновское») государства.

Свободный член общества, по Платону, является частью, и таким образом неотделим от целого - государства. Более того, государство аналогично человеческой душе и имеет, а точнее, должно иметь, особенно в идеальном состоянии, подобное устройство: сословие (класс) правителей соответствует «разумной части» души; класс воинов представляет «яростную» (аффективную) часть души, а класс ремесленников есть ее «вождеющая часть». Однако реальные государства часто отступают от идеального (должного) порядка: например, воины могут заниматься возделыванием земли, что для мыслителя совершенно неприемлемо. Платон, таким образом, подчинял человека целому - обществу и государству, и именно благо государства, а не отдельного человека, имело приоритетное для мыслителя значение.

В идеальном государстве правителями в силу того, что они представляют «разумную часть» души, должны быть только философы, которые отличаются способностью увидеть «высшую истину» и воспроизвести ее, а также «правдивостью, неприятием лжи, любовью к истине», что в совокупности дает им возможность «устанавливать новые законы о красоте, справедливости и благе или уберечь уже существующие». Знание *блага* (идеи блага) - это ключевой аспект вопроса о правителях и стражах государства, поскольку оно открывает истинность всех познаваемых вещей и является источником человеческой способности познавать. Именно совершенное государство должно брать на себя обязанность «правильного» воспитания людей для постижения блага и истины, то есть философов, правление которых будет иметь целью благоденствие всего государства в целом, а значит, правление «на яву», а не «во сне», как это происходит во всех существующих государствах, где правители пекутся не о подлинных ценностях, но только о власти, этим порождая распри. Для того, чтобы человек стал философом, а также стражем, необходимы природные задатки и особым образом поставленное воспитание и обучение, в основу которых заложены физические упражнения и «мусическое ис-

кусство» (гр. *musike* - общее образование, духовная культура). Однако для этого человек обязан прежде постичь науку счета и вычисления (арифметика), которая является наукой о подлинном бытии. Обучаемый также должен овладеть геометрией, астрономией и учением о музыкальной гармонии. Все эти предметы венчает философия.

Платон признавал, что реализовать его проект совершенного государства чрезвычайно сложно, но тем не менее, эта задача выполнима при условии, что правителями станут истинные философы, которые руководствуются в своей деятельности справедливостью и всеобщим благом. Поскольку философ рассуждал об идеальном государстве, нигде и никогда в действительности не существовавшем, то платоновский проект можно охарактеризовать в качестве утопии, которой присущ ряд компонентов, из которых наибольший интерес вызывает негативный, то есть то, что содержит критику реально существовавших, современных Платону государств. Представление о них было составлено философом во время многочисленных путешествий по древнегреческому миру. Эта критика, основанная на противопоставлении различных форм государственного устройства идеальному государству, содержит элементы сравнительных исследований.

Итак, идеальное государство Платон противопоставляет действительности «плохих» типов государственного устройства, для которых характерны раздоры, насилие и принуждение, стремление к власти ради самой власти из-за алчности или погони за деньгами, а значит, все эти государства ориентированы на сугубо материальные цели. По этой причине каждое из них как бы включает в себя «два враждебных между собой государства: одно - бедняков, другое - богачей». Далее Платон классифицирует «неправильные» государства на основании форм государственного устройства: 1) *тимократия* (господство честолюбивых людей, которое до поры до времени охраняет некоторые совершенные формы, например, правители еще пользуются уважением подданных, у воинов нет материальных забот и т. д.); 2) *олигархия* (являет собой вырождение тимократии, при котором богатое меньшинство управляет бедным большинством на основании имущественного ценза, люди начинают заниматься несвойственными им делами и т. д.; богатство ценится превыше всего); 3) *демократия* (вырождение олигархии, при котором разрыв между бедными и богатыми усугубляется, и несмотря на то, что демократия есть формальное правление всех сво-

бодных людей, она может привести к восстанию против богатых и их уничтожению или изгнанию, после чего функции управления будут поделены между составляющими большинство свободными гражданами; свобода ценится ими превыше всего); 4) **тирания** (основана на власти одного совершенно несправедливого человека над всеми, обращается абсолютным рабством всего общества в результате избытка свободы при демократии и является, таким образом, «расплатой» за неумеренность демократии, возмездием за «своеволие»). По Платону, тимократия, олигархия, демократия и тирания, являясь результатами вырождения каждого предъщущего типа государства, все дальше уходят от человеческого общежития совершенной формы, которое существовало во времена глубокой древности, в век правления Хроноса, когда боги властвовали над людьми, пребывавшими в гармонии с природой, а потому обеспеченными всем необходимым для счастливой жизни; между людьми в тот золотой век не было раздоров и войн. Восстановить такой порядок вещей в обществе более невозможно. Также не следует брать его за образец, поскольку изменились материальные условия жизни человеческого рода, а потому новое идеальное государство следует основывать на несколько иных принципах.

От всех вышеперечисленных форм идеальное государство отличается тем, что хотя им и управляет меньшинство, но оно состоит из тех, кто действительно способен управлять государством благодаря естественным задаткам и многолетнему воспитанию и образованию. Основной принцип функционирования нового идеального государства - справедливость, понимаемая как строгое следование гражданами определенного им правителями положения в обществе и хозяйственной и нравственной специализации (правители-философы управляют, воины - охраняют, ремесленники - создают необходимые предметы), благодаря чему обеспечиваются гармония и порядок. Это государство должно располагать достаточными средствами для внешней обороны, удовлетворения материальных потребностей его членов, развития духовной деятельности. Конечная задача идеального государства - осуществление **идеи блага** как высшей идеи, правящей миром. Совершенному государству присущи четыре главных добродетели: мудрость (имеющая нравственную природу способность дать «хороший» совет относительно государственного устройства или управления), мужество, рассудительность (способность следовать установленным законам и

уважать правительство), справедливость (согласие выполнять закрепленные функции, подчиняться сложившемуся общему порядку).

В сочинении «Законы», задуманном как спор о наилучшем устройстве критского полиса-государства, Платон несколько смягчил изложенные в «Государстве» жесткие критерии идеального государства, изобразив «второй по достоинству» государственный строй и максимально приблизив его к действительности, что выразилось, в частности, в отказе от безусловного требования коллективной собственности для класса правителей-философов и воинов, а также предложив равные имущественные права для свободных граждан, за исключением ремесленников и торговцев. Более того, Платон ввел в качестве основы деления общества на слои имущественный ценз, согласно которому существуют четыре класса, причем граждане могут переходить из класса в класс, если разбогатеют или обеднеют. Только совокупность всех граждан составляет правящее сословие. Земледельческое хозяйство, занимающее главенствующее положение в экономической структуре государства, планируется обеспечивать за счет рабского труда. Важно также то, что Платон в качестве «второго наилучшего» называет государство со *смешанной формой правления*, сочетающей в себе достоинства *демократии* с эффективностью и элитизмом *монархии*. На демократических принципах основаны набор в коллегиию 37 правителей (кураторы закона) и Совет из 360 членов, а также деятельность общего народного собрания. Однако осуществление верховной власти в обществе возлагается на тайный Ночной совет из 10 самых мудрых правителей-стражей, которые, в отличие от прочих государственных лиц, стоят над законами, поскольку сопричастны истине, причем под законами понимаются морально-этические или божественные установления. В диалоге «Политик» Платон подчеркивал, что на власти закона устроены только монархия, аристократия и демократия, но и они далеки от идеального государства.

Взгляды Платона на государство, как следует из его основных политических сочинений, претерпели некоторую эволюцию, что выразилось в смягчении морального ригоризма (т. е. требования неуклонного соблюдения принципов), однако сохранили общую утопическую направленность. Некоторые мыслители, например *Карл Поппер* (1902-1994) и *Ханна Арендт* (1906-1975), вообще усматривали в Платоне врага демократии и проповедника тоталитарного правления.

ПОППЕР Карл

Поппер (*Popper, Karl Raimund*) Карл (род. 28 июля 1902 г., Вена - умер 17 сентября 1994 г., Кройдон, Англия) - австро-британский философ и методолог науки, выдвинувший в качестве критерия научного знания принцип *фальсифицируемости* (вместо принципа верификации); политический философ, известный концепцией открытого общества и бескомпромиссной критикой тоталитаризма, в особенности его эпистемологических истоков.

Биография и основные работы

Поппер изучал философию в Венском университете, где в 1928 г. защитил диссертацию «К вопросу о психологии мышления» (*Zur Methodenfrage der Denkpsychologie*) под руководством известного психолога Карла Бюлера. В 1937 г. был вынужден покинуть Австрию и эмигрировал в Новую Зеландию, где преподавал в Кентенберийском университете и написал самые известные свои работы. В 1946 г. принял приглашение Лондонской школы экономики, заняв в 1949 г. пост профессора логики и методологии науки. После выхода в отставку в 1969 г. Поппер продолжал занятия философией и наукой. Удостаивался престижных премий, почетных степеней ведущих университетов мира и членства многих национальных и международных академий наук; в Великобритании в 1965 г. был произведен в рыцари.

Автор ряда работ, в том числе: «Логика научного открытия» (*Logik der Forschung*, 1934); «Открытое общество и его враги» (*The Open Society and Its Enemies*, 1945); «Нищета историцизма» (*The Poverty of Historicism*, 1945; отдельное издание 1957); «Предположения и опровержения» (*Conjectures and Refutations*, 1963); «Объективное знание. Эволюционный подход» (*Objective Knowledge: An Evolutionary Approach*, 1972); «Личность и ее мозг» (*The Self and its Brain*, 1977; соавт. Дж. Эклс).

Вклад в развитие политической мысли

В качестве критерия *демаркации* науки с ее эмпирически проверяемыми теориями и метафизики, а также основного правила роста научного знания Поппер предложил *фальсификацию* (или проверяемость) вместо верификации (подтверждаемости): знание научно в том

случае, если его утверждения вступают в конфликт с данными наблюдения. В особенности это относится к теоретическим утверждениям, которые невозможно окончательно подтвердить (верифицировать), но можно опровергнуть раз и навсегда единственным утверждением. Знание не имеет непоколебимых и абсолютно верных оснований; апелляция к источнику знания для его легитимации подобна акту веры, иррациональна и авторитарна. Что же касается философии, то ее сфера - это метафизические и эпистемологические проблемы. Поппер считал эпистемологию главным образом «теорией» и технологией роста знания, под которым понимается движение от менее надежного к более надежному знанию (рост знания - это «бесконечный поиск»), главным образом в ходе критики и модификации существовавшего ранее знания. Эпистемология применима также к исследованию мира политики.

Политическая философия Поппера является по своей сути нормативной и «технически ориентированной» (отсюда критика традиционной политической философии и попытка создать эпистемологически другую - неавторитарную - политическую философию) и построена на его философии науки. Всемирную известность Попперу как политическому мыслителю принесли труды «Открытое общество и его враги» и «Нищета историцизма», которые он оценивал как личный вклад в борьбу со всевозможными проявлениями авторитаризма и тоталитаризма. В них с позиций *критического рационализма* рассмотрен широкий круг проблем философии политики, поэтому эти сочинения часто называют манифестом «политической философии науки» или «философией науки о политике», основанной на детально разработанной теории познания и продолжающей традицию либерализма *Джона-Стюарта Милля* (1806-1873).

Надежду на «возможность власти закона, равную справедливость, фундаментальные права и свободы человека», веру в свободное общество Поппер обосновывал путем логико-критического анализа философии Платона, Гегеля, Маркса и др. Особенно сильное интеллектуальное неприятие Поппера вызывал т. н. историцизм двух «оракулов» и «лжепророков» - Гегеля и Маркса, с характерным для него детерминизмом, слепой верой в предопределенность и неизбежность какого-то феномена (например, коммунизма у Маркса), якобы придающих истории некий объективный смысл. Историцизм убеждает людей в несуществующем, освобождая их от личной ответственности,

которую «лжепророки» переложили на историю, а она принципиально неопределенна, и только люди могут придать ей смысл и цель, сделав выбор из доступных альтернатив и взяв на себя всю меру ответственности за будущее: «У истории нет иного смысла, нежели тот, который мы приписываем ей сами». Вывод Поппера: попытки предсказать будущее рациональными научными методами антинаучны и являются лжепророчествами. Вместо этих попыток, а также занятий «моральным футуризмом» (оправдает ли кого-то история, или нет) «мы должны стать творцами своей судьбы» и попытаться установить эффективный контроль над властью.

В философии Поппера выделяется концепция *открытого общества*, являющаяся грандиозной попыткой философского обоснования, оправдания возможности демократии. Открытое общество (термин, заимствованный Поппером у французского философа *Анри Бергсона*) можно определить как систему общественного устройства, главными элементами которого являются гражданское общество, рыночная экономика (свободный рынок) и правовое государство (иначе, власть закона), в совокупности и тесной взаимосвязанности обеспечивающие свободу во всем многообразии ее проявлений (и прежде всего личную). Открытое общество принципиально основано на *власти закона* - здесь в мирное время государственным служащим позволено руководствоваться только закрепленными правом интересами и нормами. Оно требует *критического* мышления, ему чуждо догматическое сознание. В открытом обществе за индивидами закреплено право принимать личные решения: более того, они «вынуждены принимать личные решения» и конкурировать за социальные статусы. Подобное общество постоянно испытывает себя и учитывает совершенные ошибки (т. н. принцип критической делибации, предполагающий совместную оценку решений и рациональное обоснование альтернатив) в последующих «пробах».

Однако продуктивнее всего открытое общество можно определить путем противопоставления *закрытому* (тоталитарному) *обществу* как «магическому, племенному или коллективистскому», все институты которого основаны на «священной санкции - табу»; его лучшая аналогия - биологический организм. Вероятно существование множества закрытых обществ с самой разной судьбой и путями развития, но открытое общество может двигаться только вперед, если не хочет быть

возвращено в неволю (*Док. Сорос*). Закрытое общество формируют только сверху ради попытки целенаправленно переустроить «всё и вся» в соответствии с некоторым идеальным проектом. Это путь *утопической социальной инженерии (holistic social engineering)*, основанной на историцистских представлениях, но при отсутствии гарантий того, что «полная реконструкция нашего социального мира поведет нас сразу к работающей системе». Такая инженерия не имеет механизмов исправления допущенных ошибок, ибо утопия принципиально не самокритична, а настаивает на обещаниях успеха лишь при точном следовании идеальному проекту (это требование уже само по себе утопично). Духовные истоки закрытого общества Поппер находит в философском наследии в основном Платона, Гегеля и Маркса. *Платон* как теоретик «идеального государства», наиболее последовательный противник человеческой свободы и защитник тоталитаризма сделал только правителя носителем абсолютной истины, допускающей тотальную справедливость, подавление инакомыслия, но выступающей против всяких изменений. *Гегеля* как образец «интеллектуальной нечестности» и «источник всего современного историцизма» Поппер критикует за развитие многих идей Платона, за «непроницаемый догматизм», национализм («в форме историцистской идеи»), этатизм и пропаганду войны, «отождествление силы и права». *Марксу* ставятся в вину экономический детерминизм, фатализм, пропаганда классовой войны и призывы к насильственной революции. Исходя из оригинального понимания науки, Поппер также отвергал претензии марксизма на научность. Поппера нередко упрекали в слишком эмоциональной критике классической философии, однако нужно учитывать специфический интеллектуальный климат того времени, когда многие политические действия и преступления оправдывались ссылками на тексты «классиков». При движении к открытому обществу утопическая социальная инженерия неприемлема. Вместо нее Поппер предложил метод «*piecemeal social engineering*» [англ.], т. е. такой тип технологии социального конструирования (реформирования), который обусловлен текущими потребностями общества и состоит в постепенном, последовательном осуществлении социальных преобразований и накоплении политического знания. Приверженец данного подхода не стремится сразу воплотить величайшее благо для наибольшего числа людей (классическая формула утилитаризма), а разрабатывает пути выявления со-

циальных недугов для борьбы с ними, его цель - «наименьшее количество страданий, которых можно избежать». Постепенные изменения методом проб и ошибок оставляют возможность для дальнейшей коррекции. Это в некотором смысле «негативный утилитаризм» (хотя сам Поппер выступал против такого названия предложенного им принципа, считая его совершенно другим, основанным на иных эпистемологических основаниях), поскольку он ориентирует по преимуществу на исправление несчастья, зла, а не на обеспечение «величайшего блага». Достижение блага в итоге предполагается, но начинается данный путь с избавления от бед и несчастий, которые являются гораздо более универсальным человеческим опытом, чем благо и счастье.

Поппер не абсолютизировал свободу, демократию и толерантность (терпимость), понимая, что на практике это может привести к противоположным результатам. Кстати, концепция демократии - правление посредством обсуждения (*government by discussion*) - у этого мыслителя отличается от ее классического прочтения в виде правления большинства. Он считал демократию лучшим средством, обеспечивающим ненасильственный гражданский контроль над лидерами, мирную смену правительства, равно как и оптимальной основой для реформ политических институтов (этим устанавливается связь демократии с властью закона).

Идеи Поппера часто используются при создании теоретических и практических схем современной политики, а понятия открытого и закрытого обществ прочно вошли в политический словарь (хотя и не всегда несут оригинальный смысл).

РОККАН Стейн

Роккан (*Rokkan, Stein*) **Стейн** (род. 4 июля 1921 г., Ваган, Лофотенские острова, Норвегия - умер 22 июля 1979 г., Берген, Норвегия) - норвежский социолог и политолог-компаративист, видный представитель западной послевоенной политической науки; один из основателей и первый председатель Европейского консорциума политических исследований (ЕСРР).

Биография и основные работы

Роккан получил образование в Университете г. Осло, где изучал филологию и политическую теорию. Сразу после войны участвовал вместе с норвежским философом *Арне Нёссом* (Arne Naess) в проекте ЮНЕСКО по изучению демократии, проведя несколько лет в Великобритании и США. В 1951-1960 гг. Роккан являлся научным сотрудником, а затем одним из директоров Института социальных исследований в Осло; в 1958-1966 гг. - старший научный сотрудник Института им. Кристиана Микельсена; в 1966-1979 гг. - профессор сравнительной социологии и сравнительной политологии Университета г. Берген, в создании факультетов социальных наук которого принял активное участие.

Роккан успешно совмещал академическую, научную и организаторскую деятельность. В частности, он занимал посты вице-президента Международной социологической ассоциации (1966-1970), президента Международной ассоциации политических наук (1971-1973), председателя Европейского консорциума политических исследований (1970-1976), президента Всемирного совета по общественным наукам при ЮНЕСКО (1973-1977) и др. Роккан участвовал в создании Норвежской службы информации по социальным наукам, Информационной службы международной статистики (IDIS) и информационной службы при Европейском консорциуме политических исследований.

В память о Роккане его именем назван, в частности, учрежденный Международной ассоциацией политических наук фонд поддержки молодых исследователей; Европейский консорциум политических исследований проводит ежегодные Роккановские чтения и т. п.

Автор ряда работ, в том числе: «Граждане, выборы, партии: подходы к изучению сравнительного развития» (*Citizens, Elections, Parties: Approaches to the Study of Comparative Development*, 1970); «Экономика, территория, идентичность: политика западноевропейских периферий» (*Economy, Territory, Identity: Politics of West European Peripheries*, 1983; соавт. Д. Урвин) и мн.др. Кроме того, Роккан выступил **редактором** (и соавтором) ряда книг, в том числе: «Демократия в условиях мировой напряженности» (*Democracy in a World of Tensions*, 1951; совместно с Р. Маккеоном); «Партийные системы и размежевание избирателей» (*Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives*, 1967; совместно с С.М. Липсетом; представляет собой

серию исследований электоральных процессов в Италии, Франции, Испании, ФРГ, Финляндии, Норвегии, Японии, Бразилии и Зап. Африки); «Кливажи, партии и массовая политика» (*Cleavages, Parties and Mass Politics*, 1970; совместно с Э. Аллардом); «Политика территориальной идентичности: исследования европейского регионализма» (*The Politics of Territorial Identity: Studies in European Regionalism*, 1982; совместно с Д. Урвином) и др. До сих пор продолжается работа с архивами Роккана и публикация новых работ, таких как, например, сборник «Образование государств, государственное строительство и массовая политика в Европе» (*State Formation, Nation-building, and Mass Politics in Europe: the Theory of Stein Rokkan: based on his collected works*, 1999; материалы отобраны, перегруппированы и отредактированы С. Кюнле, Д. Урвином и П. Флорой).

Вклад в развитие политической мысли

Практически с самого начала своей научной карьеры Роккан принимал участие в международных научных проектах, связанных, например, с изучением демократии (проект ЮНЕСКО), в 1950-х гг. - социальной мобильности, а также политических ориентаций учителей в семи странах и т. д. Роккан внес большой организационный вклад в развитие современных социальных наук, занимая в течение долгого времени должность секретаря Комитета политической социологии при Международной ассоциации политической науки и Международной социологической ассоциации, а также иницилируя и проводя многие международные конференции. Роккан также принял участие в создании современных информационных и статистических служб в области социальных наук и т. п.

Важной сферой научных интересов Роккана стали *электоральные исследования*, в особенности электоральное поведение в Норвегии (отсюда участие в Норвежской программе электоральных исследований). Первоначальным образцом таких исследований для европейских ученых стали достаточно эффективные американские методики электоральных исследований. В частности, было выяснено, что на электоральное поведение в Норвегии влияют отличные от американских партийные альтернативы. Для объяснения этих и подобных отличий Роккан и его коллеги обратились к историческим и региональным (эколого-географическим) факторам, также оказывающим, как

было установлено, влияние на современные политические ориентации избирателей. По этой причине в электоральные исследования в Норвегии почти с самого начала был включен эколого-географический компонент. Роккан также отмечал большое значение в долгосрочной перспективе процессов первичной массовой политической мобилизации, которые в свою очередь испытывают значительное влияние институциональных факторов, в особенности таких, как время и способы введения всеобщего избирательного права в соотношении с возникновением парламентского или подотчетного парламенту правительства. В связи с электоральными исследованиями в сферу научных интересов Роккана попали социальные **кливажи** (англ. cleavage, фр. clivage - раслаивание, разделение), т. е. достаточно широкие и глубокие расколы общества по различным основаниям (классовым, расовым, религиозным и т. п.) или фундаментальные различия и конфликты, определяющие, в частности, размер и качество национальных партийных систем. Роккан предложил немало аналитических схем, объясняющих причины политизации таких расколов. Общей чертой этих схем было немалое внимание к отношениям **центр/периферия**: в процессе нациеобразования между модернизирующимся национальным центром и периферией имеют место многочисленные экономические, юридические, культурные и т. п. противоречия. Кливажи сопровождаются возникновением устойчивых комплексов (политических) предпочтений, вокруг которых формировались европейские политические партии. После возникновения базовых электоральных структур (институтов, в том числе правил голосования) происходит «отверждение» (*freezing*) кливажей (расколов) и электоральных структур (институтов), их стабилизация: «Партийные системы 60-х гг. отражают с немногими, но существенными исключениями структуру кливажей 20-х гг.» («теорема отверждения» была выдвинута Рокканом в 1967 г. совместно с **Сеймуром М. Лунсетом** (род. 1922)).

В своих поздних работах Роккан рассматривал вопросы, связанные с нациеобразованием и формированием государств, намереваясь создать «топологическую и типологическую макромодель Европы», требовавшую систематического сравнения больших массивов географических, экономических, политических и т. п. данных по европейским странам. Предложенная им «концептуальная карта Европы» («теория Европы») основана на сочетании методов ретроспективного и

перспективного анализа (инструментализм), чрезвычайно насыщена политическими сущностями и охватывает временной период в несколько столетий.

Даже полностью незавершенная Рокканом «макро-модель политического развития Европы», несмотря на уязвимость некоторых положений, представляет собой грандиозную схему политического развития на основе длинных рядов развития, стоящую в одном ряду с теориями политического развития *Карла Дойча* (1912-1992), *Баррингтона Мура* (род. 1913), *Альберта Хиримана* (род. 1915), *Иммануила Валлерстайна* (род. 1930), и по сей день сохраняет значительный эвристический потенциал, который еще только предстоит освоить.

РОСТОУ Уолт

Ростоу (*Rostow, Walt Whitman*) Уолт (род. 10 июля 1916 г., Нью-Йорк) -американский экономист и политолог; государственный деятель.

Биография и основные работы

Ростоу получил образование в Оксфордском и Йельском (докторская степень, 1940) университетах. Преподавал в Кембриджском и Оксфордском университетах, а также в ведущих американских университетах, в том числе в Массачусетском технологическом институте (профессор экономической истории - 1950-1960X в Университете штата Техас (с 1969 г.). .

На государственной службе Ростоу занимал высокие посты, в том числе, в Департаменте стратегических служб (1942-1945) и в Госдепартаменте, а также являлся советником председателя Совета политического планирования Госдепартамента (1961 -1966; был приглашен на эту должность президентом Джоном Кеннеди), помощником по вопросам национальной безопасности президента Линдона Джонсона (1966-1969), оказывая, таким образом, значительное влияние на американскую внешнюю политику в 1960-е годы. Был сторонником военного вмешательства во Вьетнаме. Награжден высокими государственными наградами Великобритании и США.

В настоящее время Ростоу преподает в Университете штата Техас, занимая должность профессора экономики и истории.

Автор ряда работ, среди которых: «Процесс экономического роста» (*The Process of Economic Growth*, 1952); «Динамика советского общества» (*The Dynamics of Soviet Society*, 1953); «Американская политика в Азии» (*An American Policy in Asia*, 1955; соавт. Р. Хэтчет); «Ключ к эффективной внешней политике» (*A Proposai: Key to an Effective Foreign Policy*, 1957; соавт. М. Милликан); «**Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест**» (*The Stages of Economic Growth: A non-communist manifesto*, 1960); «Политика и стадии экономического роста» (*Politics and the Stages of Growth*, 1971); «Как все началось: истоки современной экономики» (*How It All Began: Origins of the Modern Economy*, 1975); «Мировая экономика. История и планы на будущее» (*The World Economy: History and Prospect*, 1978); «Теоретики экономического роста: от Юма до наших дней» (*Theorists of Economic Growth from David Hume to the Present: With a Perspective on the Next Century*, 1990), «Великий популяционный пик и что за ним последует. Размышления о XXI веке» (*The Great Population Spike and After: Reflections on the 21st Century*, 1998) и др.

Вклад в развитие социальных наук

В сфере научных интересов Ростоу находятся проблемы экономической теории, в частности экономический рост, развитие и устойчивое развитие (*sustained development*), политэкономии и экономической истории развитых и развивающихся стран. Будучи непосредственно вовлечен в разработку и осуществление внешней политики США, Ростоу занимался исследованиями не только практических проблем международных отношений в период холодной войны и выработкой рекомендаций для администраций Дж. Кеннеди и Л. Джонсона, но и проблем теории и истории международных отношений. Ростоу наиболее известен как один из авторов и популяризаторов концепций «индустриального общества», «стадий экономического роста» и теории модернизации не только в академической, но и в правительственной среде.

Выдвинутая Ростоу концепция «стадий экономического роста», является экономической разновидностью классических теорий модернизации в духе линейной теории развития, основанной на видении прогресса как поступательного движения в направлении более высокого уровня развития производительных сил общества. Согласно линейной логике развития, данное положение является *универсальным*

для любого общества, и соответственно, в современных условиях отсталые страны находятся на более ранних этапах развития, уже пройденных развитыми странами. По Ростоу, каждое общество вне зависимости от каких бы то ни было исключений и ограничений, связанных с национальной, культурной, географической и т. п. спецификой, проходит пять стадий экономического роста (эволюции). Первая стадия - «традиционное общество», характеризуемое наличием неэффективной, малопродуктивной «традиционной» (аграрной) экономики, основными отраслями которой являются сельское хозяйство и горное дело (добывающая промышленность), основанные на примитивных технологиях и неквалифицированном труде. *Традиционное общество* отличается иерархической социальной системой, а власть сконцентрирована у землевладельцев. Вторая стадия - «предпосылки для перехода-сдвига к устойчивому росту» (*preconditions for take-off into self sustaining growth*). В этих условиях «переходного общества» появляются социальная (возникают «новые типы предприимчивых людей»), политическая (централизованное государство) и экономическая инфраструктуры; с внедрением новых технологий увеличивается производительность сельского хозяйства, что высвобождает капиталовложения и рабочую силу для развития промышленности. Третья стадия - стадия «перехода-сдвига» (*take-off*) - отличается быстрым ростом промышленности, производительность труда в которой увеличивается за счет внедрения новых технологий (промышленная революция). Ключевые отрасли промышленности, такие как металлургия и машиностроение, возглавляют процесс индустриализации и развития других отраслей. Четвертая стадия - «стадия приближения к зрелости» (*the drive to maturity*) - характеризуется появлением сферы услуг и быстрым ростом новых отраслей промышленности, помимо базовых, на фоне высоких уровней капиталовложений и урбанизации (до 60- 90% населения), повышением доли высококвалифицированного труда в воспроизводственном процессе и т.п. Финальная, пятая стадия - «эра высокого массового потребления» (*the age of high mass consumption*), характеризуется переходом промышленности к производству товаров массового потребления для удовлетворения спроса «общества массового потребления» и уменьшением доли товаров для промышленности (т. е. товаров базовых отраслей), более сбалансированным распределением доходов и доминированием сферы услуг.

Концепция «стадий экономического роста», предложенная Ростоу в книге «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест» (1960 г.), явилась попыткой критически переосмыслить марксистское представление об общественно-экономических формациях и стала важной теоретической составляющей курса США и их союзников в отношении проблем развития и модернизации Третьего мира, представлявшей реальную альтернативу коммунистической теории деколонизации и, в целом, советской модели модернизации. Ростоу сделал ряд существенных с точки зрения практической политики рекомендаций: процесс модернизации ставших независимыми стран Третьего мира сопровождается перемещением значительного числа людей, например, из деревень в города, что вызывает рост общей неопределенности и напряженности из-за разрушения традиционного уклада жизни и маргинализации массовых слоев населения, повышающих нагрузку на политическую систему. Данное обстоятельство создает условия для успешной деятельности антиправительственных (прокоммунистических) сил, поэтому США и их союзники должны оказать поддержку дружественным им режимам как прямым военным вмешательством против местных коммунистов («падальщики процесса модернизации»), так и, главное, помощью в модернизации экономики и в подготовке хозяйства к органичному вхождению в режим свободной мировой торговли. Ростоу подчеркивал, что в этих странах основную ставку следует сделать на военных как носителей и гарантов модернизации (модель, достаточно успешно сработавшая в Южной Корее и Индонезии), тогда как демократия и политическое развитие в целом могут «подождать».

В своей классической форме концепция Ростоу представляет модернизацию в качестве универсального процесса, неизбежно мыслимого как американизация. Следует отметить, что Ростоу сознавал высокую цену процесса модернизации (обращаясь, в том числе, к истории России и СССР), однако не видел ему сколь либо приемлемой альтернативы.

РУССО Жан-Жак

Руссо (*Rousseau, Jean-Jacques*) **Жан-Жак** (род. 28 июня 1712 г., Женева - умер 2 июля 1778 г., Эрменонвиль, близ Парижа) - французский философ-просветитель, политический мыслитель; писатель, теоретик педагогики и искусства, композитор.

Жизнеописание и основные сочинения

Руссо родился в семье часовщика. В силу череды трагических обстоятельств (смерть матери, изгнание отца из города) его воспитанием занимались родственники и кальвинистский священник; не получив систематического образования и будучи отданным в обучение граверному ремеслу, Руссо сбежал из Женевы в возрасте 16 лет и в 1728-1741 гг. скитался по Швейцарии, югу Италии и Франции, добывая средства на жизнь случайными занятиями (камердинер, слуга, музыкант, переписчик нот, домашний секретарь и т. д.). На этот период приходится его знакомство с баронессой де Варанс, которой Руссо обязан своими широкими познаниями в области литературы, искусства и философии. В возрасте 30 лет Руссо переехал в Париж, где вскоре завел дружбу с *Дени Дидро* (1713-1784), являвшимся с 1745 г. редактором большого проекта Просвещения - «Энциклопедии», и объединившим вокруг себя группу интеллектуалов, называвшуюся «Философы», куда входили *Этьен Кондильяк* (1715-1780), *Жан Д'Аламбер* (1717-1783) и др.

Знаменитость пришла к Руссо в 1750 г. после опубликования трактата «*Рассуждение о науках и искусствах*» на объявленном Дижонской академией конкурсе работ на тему «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?», в котором мыслитель вопреки просвещенческой традиции дал отрицательный и очень эмоциональный ответ на поставленный вопрос, отмечая, что науки и искусства подавляют естественную свободу человека, цена цивилизации (т. е. прогресса науки и искусства) недопустимо высока - «развращение души» и возрастающее рабство, а потому вся история человечества - упадок, но сам человек по природе своей добр. Слава философа упрочилась после публикации в 1755 г. сочинения «*Рассуждение о происхождении и основах неравенства между людьми*» (также написана для конкурса Дижонской академии). В это же время Руссо про-

славился еще и как сочинитель опер, музыкальных комедий и романсов: опера «Сельский хитрец» (*Le devin du village*) очень понравилась королю Франции, к ней обращался Моцарт, однако по соображениям морального и философского характера Руссо оставил сочинительство музыки.

В 1750-е годы Руссо активно сотрудничал с Дидро в «Энциклопедии», занимаясь преимущественно проблемами музыки. Однако уже к концу этого периода между энциклопедистами и Руссо зреют противоречия по ключевым вопросам истории и социальной жизни, которые ведут к официальному разрыву в 1758 г., а потом и к взаимной критике и вражде.

После разрыва с энциклопедистами Руссо переехал в замок маршала Люксембургского, сеньора Монморанси, где написал самые значительные свои работы: «Юлия, или Новая Элоиза» (1761), «Об общественном договоре, или Начала политического права» (1762), «Эмиль, или О воспитании» (1762). Поскольку эти работы вызвали резкое осуждение властей Парижа и Женевы, а также распоряжения о сожжении этих произведений и аресте их автора, Руссо был вынужден покинуть Францию и перебраться в Женеву, но потом он отказался и от гражданства Женевы. В 1766-1767 гг. Руссо жил в Англии по приглашению философа Дэвида Юма (1711-1776), однако мания преследования, развившаяся еще в Женеве, толкнула мыслителя на конфликт и с Юмом, и в конце концов Руссо тайно вернулся во Францию и поселился в Париже, где жил на грани бедности и психического расстройства. В последние десять лет жизни Руссо работал над автобиографическими сочинениями («Исповедь», написанная в форме «Исповеди» Августина Блаженного и др.), окрашенными в мрачные пессимистические тона.

Автор сочинений, среди которых особо выделяются: «Рассуждение о науках и искусствах» (*Discours sur les sciences et les arts*, 1750); «Рассуждение о происхождении и основах неравенства между людьми» (*Discours sur l'origine de l'inegalité*, 1755); «Письмо к Д'Аламберу о зрелищах» (*Lettre à d'Alembert sur les spectacles*, 1758); «Юлия, или Новая Элоиза» (*Julie: ou, la nouvelle Héloïse*, 1761); «Об общественном договоре, или Начала политического права» (*Du Contrat social*, 1762); «Эмиль, или О воспитании» (*Emile: ou, sur l'éducation*, 1762); «Письма с горы» (*Lettres écrites de la montagne*, 1764 г.); «Диалоги: Руссо судит Жан-Жака» (*Rousseau juge de Jean-Jacques*, опуб. посмер-

тно в 1780); «Прогулки одинокого мечтателя» (*Les Rêveries d'un promeneur solitaire*, опуб. посмертно в 1782); «Исповедь» (*Confessions*, опуб. посмертно в 1782-1789) и др.

Вклад в развитие политической мысли

Целостная социально-политическая доктрина изложена Руссо в сочинениях «Рассуждение о науках и искусствах», «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» и «Об общественном договоре, или Начала политического права». Ее «ядром» являются специфическая концепция «общественного договора», оказавшая значительное влияние на европейскую политическую теорию и практику, а также во многом нетрадиционная для Просвещения *пессимистическая трактовка общественного прогресса* и оптимистическое понимание человека как такового (*антропологический оптимизм*).

Согласно Руссо, общественный прогресс («цивилизация») поработил и погубил человечество, развратил душу человека. Напротив, естественное (первобытное) состояние человека, который является «*существом необщественным*» по своей изначальной природе - это состояние счастья, безмятежного детства. Хотя Руссо и использует идею *Томаса Гоббса* (1588-1679) о «естественном состоянии» человека, он дает противоположную ее интерпретацию: в естественном состоянии человек был абсолютно одинок, но зато он был физически здоров, счастлив, свободен и добродетелен (разновидность романтического европейского мифа о «добром дикаре»). Пороки у человека развиваются с прогрессом разума после появления общества, первыми признаками которого являются жилища, семьи и ассоциации соседей. Это протообщество Руссо называет «золотым веком» человечества, который, к сожалению, продлился недолго в силу неизбежно скорого появления неравенства, которое увеличивается по мере развития разума и утверждения собственности на землю. Неравенство у Руссо напрямую связано с собственностью, то есть понимается прежде всего как имущественное неравенство. С его появлением Руссо связывает также создание гражданского общества: «Первый, кто, огородив участок земли, придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, чтобы тому поверить, был подлинным основателем гражданского общества». Имущественное неравенство далее перерастает в политическое неравенство (безвозвратную потерю свободы, принудитель-

ный труд и нищету) путем закрепления прав собственности в законах и учреждении публичной власти. Только таким образом, то есть в результате развития человеческого разума и общества, а не в результате «войны всех против всех», наряду с гражданским обществом появляется государство. Пределом развития политического неравенства является деспотизм. В деспотии политическое неравенство перерождается в равенство в бесправии перед деспотом, когда уже не остается ни законов, ни правителей, а народ впадает в новое естественное состояние, которое основано на всевластии силы и представляет собой результат крайнего разложения человеческого рода.

Негативное отношение Руссо к собственности и ее социально-политическим последствиям позволило многим революционерам причислить этого мыслителя в разряд своих союзников. Однако сам Руссо считал невозможным возвращение в «золотой век» только путем упразднения частной собственности. Мысль Руссо была глубже: в современном обществе человек по вышеприведенным причинам далеко уходит от природы, от свободы, от своего естества, происходит отчуждение человека от самого себя. Тема отчуждения в таком виде становится после Руссо одной из самых важных в европейской философии. Руссо полагал, что выходом из тупика прогресса является возвращение к изначальной природе человека.

Гражданское общество в концепции Руссо появляется для осуществления двух основных задач - поддержания гражданского мира и обеспечения прав собственности, таким образом оно по-своему служит всем гражданам, но больше всего оно необходимо собственникам, и является своего рода «неправильным» *общественным договором* (точнее, имитацией «настоящего») социального контракта, *contrat social*), основанным на обмане и никого полностью не удовлетворяющим. В сочинении «Об общественном договоре» Руссо пытается наметить способ, с помощью которого человек снова обретет свободу (*разумную* свободу как свободу «подчиняться только самому себе» или закону, самостоятельно себе назначенному). Этим способом является заключение нового, подлинного *общественного договора* (соглашения) *между всеми равными гражданами* (а не между гражданами и правителями, как утверждали идеологи либерализма), целью которого является создание такого социального устройства, в рамках которого «каждый ... отдает свою личность и всю свою мощь под *верховное руковод-*

ство общей воли, и мы вместе принимаем каждого члена как нераздельную часть целого». То есть, всякий индивид должен отказаться от ранее принадлежавших ему «мнимых» прав, обеспечиваемых только лишь личной силой, в пользу сообщества, чтобы получить от сообщества легитимные гражданские права и свободы, а также гарантии их защиты, обеспечиваемые совокупной мощью всего сообщества.

В результате подлинного общественного договора образуется сообщество равных и свободных индивидов, республика по форме правления. Руссо уподобляет эту ассоциацию искусственному существу (организму), наделенному коллективной (общей) волей (*volonté gènèrale*), которая представляет собой не суммарное волеизъявление всех индивидов, но результат отказа от «мнимых» прав и свобод, добровольное отчуждение которых способствует избавлению граждан от противоположных, конфликтующих друг с другом интересов, и приобретению взамен гражданских прав и свобод, которые в наилучшей мере отражают общие интересы и цели ассоциации. Таким образом, человек становится неотделим от ассоциации, его интересы продиктованы отныне общей волей, поскольку сами являются ее небольшим, но равноправным компонентом. Отсюда и особый характер законодательства, которое соответствует интересам всех и каждого, поскольку является проявлением общей воли и одновременно «внутренним законом» каждого индивида. В этой связи Руссо утверждает, что общество может силой заставить человека быть свободным, то есть заставить его снова услышать «внутренний закон» (общую волю), но только в том случае, если человек поддался страстям до такой степени, что нарушает законы. Этот тезис позволил некоторым критикам, например, **Карлу Поннеру** (1902-1994), утверждать, что Руссо был одним из основоположников идеи тоталитаризма.

Общественный договор определяет и характер власти: государство (республика) основано (наряду с принципами *свободы и уравнительного равенства*) на принципе *народного суверенитета* (прямого народовластия), обладающего качествами неотчуждаемости, неразделимости (отсюда критика концепции разделения властей) и непредставительности кем бы то ни было, за исключением самого народа. В этом Руссо резко расходился с классической либеральной теорией представительной демократии, полагая, что в «законодательной власти народ не может быть представлен», в силу чего «народные депутаты не

суть и не могут быть представителями народа», то есть только весь народ - носитель власти, а значит, только во всей своей полноте он может законодательствовать и осуществлять власть. Это обстоятельство подкрепляется также и статусом общей воли как критерия *справедливости*, что особо подчеркивалось мыслителем, поскольку политика обязательно должна быть моральной и добродетельной. Но для Руссо было очевидно: хотя общая воля моральна, в ней не всегда преобладает интеллект (и в этом он был согласен с Платоном), поэтому иногда может потребоваться гениальный законодатель наподобие греческого Солона.

Философское наследие Руссо в силу богатства, сложности и противоречивости вызывает многочисленные и зачастую противоположные трактовки. Однако большинство исследователей сходятся во мнении, что Руссо - безусловно ключевая фигура французского Просвещения XVIII в., ознаменовавшая поворот от строгого рационализма Нового Времени к романтизму. Это выражается в том, что Руссо подверг критике многие просвещенческие концепции и мифы, предложил новые, нетрадиционные пути осмысления ряда основополагающих для самого Просвещения идей, преодолевающие его рамки, и оказал таким образом значительное влияние на мысль и уклад жизни как своего, так и последующих поколений, в том числе и потому, что наследие Руссо вдохновляло и либералов-реформаторов, и радикалов-революционеров, таких как Робеспьер, Фидель Кастро и др.

САЙМОН Герберт

Саймон (*Simon, Herbert Alexander*) Герберт (род. 15 июня 1916 г., Милуоки, Висконсин - умер 9 февраля 2001 г., Питтсбург) - выдающийся американский ученый в области социальных наук, оказавший существенное влияние на развитие методологии политической науки и на понимание организационных и управленческих процессов.

Биография и основные работы

Саймон обучался политической науке в Чикагском университете (степень бакалавра, 1936, докторская степень, 1943). В 1939-1942 гг. занимался исследованиями в области муниципального и государ-

ственного управления в Университете Калифорнии (Беркли) под началом К. Ридли; преподавал политическую науку в Иллинойском технологическом институте (до 1949) и занимался преподаванием и исследованиями в Чикагском университете; с 1949 г. преподавал и занимался компьютерными исследованиями в Университете Карнеги-Меллон (Питтсбург). В течении короткого периода находился на государственной службе. До 2001 г. занимал должность профессора психологии и компьютерной науки Университета им. Ричарда К. Меллона (Университет Карнеги-Меллон), а также преподавал в Высшей школе индустриального управления, ставшей одной из лучших американских бизнес-школ.

Саймон неоднократно удостоивался престижных премий и наград в области экономики, психологии, компьютеризации и исследований по проблемам искусственного интеллекта. В 1978 г. Саймон стал Нобелевским лауреатом по экономике.

Автор ряда работ, в том числе: «Измерение муниципальной деятельности» (*Measuring municipal activities*, 1938; соавт.); «Техника муниципального управления» (*Technique of municipal administration*, 3-е издание 1947); «Административное поведение. Исследование процессов принятия решений в административных организациях» (*Administrative behavior: A Study of decision-making processes in Administrative Organizations*, 1947; неоднократно переиздавалась); «Государственное управление» (*Public administration*, 1950, неоднократно переиздавалась; соавт.); «Организации» (*Organizations*, 1958; соавт. Дж. Марч); «Новая наука управленческих решений» (*The new science of management decision*, 1960); «Эссе, посвященные структуре моделей социальных наук» (*Essays on the structure of social science models*, 1963 г.; соавт.); «Форма автоматизации» (*The shape of automation for Men and Management*, 1965); «Науки искусственного» (*The sciences of the artificial [The Karl Taylor Compton lectures]*, 1969); «Решение проблем человеком» (*Human problem solving*, 1972; соавт.); «Модели научного открытия» (*Models of discovery*, 1977); «Модели мысли» (*Models of thought*; Т.1 - 1979; т. 2-1989); «Модели ограниченной рациональности» (*Models of bounded rationality*; т. 1,2- 1982; т. 3 - 1997); «Научное открытие» (*Scientific discovery: Computational explorations of the creative processes*, 1987; соавт.); «Модели моей жизни» (*Models of my life*, 1991) и др.

Вклад в развитие политической науки

В круг научных интересов Саймона входили экономика, управление, компьютерные исследования, психология и философия. Его работы в этих областях объединяют общие вопросы принятия решений людьми (*human decision-making*) и сами процессы решения проблем (*problem-solving*), а результаты были использованы при анализе социальных и политических институтов. Одним из первых гуманитариев в мире Саймон применил компьютеры для моделирования процессов мышления и познания, а затем занялся проблемами искусственного интеллекта. Последние его работы в основном были посвящены когнитивной психологии и компьютерному моделированию познания, эпистемологии и философии науки. Саймон и его коллеги создали несколько компьютерных программ - BACON, DALTON и др., моделирующие некоторые исторические научные открытия.

Саймон называл себя «математиком-обществоведом» (*mathematical social scientist*), что отражало его стремление придать социальным, особенно политическим, наукам строгий математический базис. Самые известные его работы по социальной проблематике, в т. ч. «Административное поведение» (была названа Нобелевским комитетом «книгой, сотворившей новую эпоху»: критика Саймоном существовавших административных концепций, которые он назвал «управленческими пословицами», фактически преобразовала дисциплину управления, придав ей научную строгость), созданы как раз на стыках обществознания и естествознания, экономики и политологии. Несмотря на то что Саймон по преимуществу исследовал экономические процессы, он подчеркивал приоритет политических процессов в общественной жизни. Ученый стал одним из творцов теории организаций, которая применима к любым большим структурам, включая корпорации, что позволяет развивать основы новой политэкономии. Рассматривая рынок (в духе «невидимой руки» Адама Смита) и организацию (например, правительство, фирма) как два способа (или типа социальной организации в целом) обеспечения координации действий людей, Саймон определял современную экономику (и общество) в качестве организационно-рыночной, указывая на рост организаций во всех сферах жизнедеятельности, в том числе благодаря развитию технологий и знаний людей относительно того, как создавать большие

организации, сохраняющие многие качества разложимых систем (*decomposable System*).

В книге «Административное поведение», рассматривавшей главным образом принятие решений в рамках фирмы, Саймон предложил новаторский подход, при котором учитывалось многообразие факторов в деле принятия решений и их психологический контекст; вместо однофакторной модели максимизации выгоды он выдвинул модель *минимизации риска*. Он также обнаружил, что отдельные люди выдают *ограниченно рациональные решения* на основе предварительно собранной, всегда неполной информации. Саймон критиковал модель гиперрациональности (т.н. модель *экономического человека*), принятой в современной теории игр и неоклассической экономтеории, противопоставляя ей модель ограниченной рациональности (*bounded rationality*; в этой модели рациональность выступает «сферой адаптации к нерациональным элементам»): ограничения, в принципе игнорируемые «неоклассиками», присущи самой природе человека, его мышление и знания неидеальны. Исходя из этого, ученый попытался разработать способы преодоления затруднений в процессах принятия решений, которые связаны с человеческим фактором, в т. ч. с помощью «процедур запрограммированного принятия решений» - ряда технических приемов, ориентированных на оптимизацию политических и управленческих действий.

СПЕНСЕР Герберт

Спенсер (*Spencer, Herbert*) Герберт (род. 27 апреля 1820 г., Дерби, Англия - умер 8 декабря 1903 г., Брайтон) - британский социальный философ, основоположник современной социологии, развивавший идею научного естествознания об эволюции и создавший влиятельную концепцию социальной эволюции.

Биография и основные сочинения

Спенсер родился в семье школьного учителя. Семейное окружение сильно повлияло на мировоззрение мыслителя: его неконформистские взгляды еще больше усилились в течение жизни, что привело Спенсера к полному разрыву с христианством. Спенсер не получил

сколь-нибудь систематического гуманитарного образования, отклонив, в том числе, предложение о поступлении в Кембридж. Обширные познания Спенсера в гуманитарной области и оригинальность его концепций являются результатом сочетания самообразования, мощного интеллекта и целеустремленности, что заставило вначале английскую, а затем и зарубежную научную общественность обратить на него внимание и признать в нем глубокого и оригинального мыслителя. В 1842-1848 гг. Спенсер активно сотрудничал с рядом прогрессивных журналов, одна из его статей была перепечатана как памфлет под названием «Должная сфера деятельности правительства», в ней он утверждал, что задача правительств заключается в «поддержке естественных прав граждан», а если правительства не выполняют эту функцию, то они наносят серьезный ущерб обществу. В 1848 г. Спенсер был назначен одним из редакторов журнала «Economist». Журналистская деятельность позволила мыслителю установить отношения с видными представителями английского общества, среди которых были философы *Томас Хакслей* и *Джон-Стюарт Милль*, писатель Мариан Эванс (известна под псевдонимом Джордж Элиот) и социальный реформатор *Беатрис Поттер*. В 1853 г. Спенсер покинул журнала «Экономист» и последующие 50 лет жизни полностью посвятил исследованиям в области философии, антропологии, социологии.

Автор многочисленных работ, среди которых: «Философия и религия. Природа и реальность религии» (*Philosophy and religion. The Nature and Reality of Religion*, 1885); сборник «Описательная социология» (*Descriptive Sociology*; состоит из 19 частей, публикация которых началась еще при жизни мыслителя в 1873 г. и была окончена в 1934 г.) и др. К числу сочинений по политической и социальной проблематике относятся: «Должная сфера деятельности правительства» (*The Proper Sphere of Government*, 1843); «Социальная статика» (*Social Statics*, 1851); «Образование: интеллектуальное, нравственное, физическое» (*Education: Intellectual, Moral, Physical*, 1861); «Изучение социологии» (*The Study of Sociology*, 1872); «Личность против государства» (*The Man Versus the State*, 1884); «Факты и комментарии» (*Facts and Comments*, 1902).

Вклад в развитие политической мысли

Одну из основных идей Спенсера, относящихся, в целом, к социальным наукам, можно сформулировать следующим образом: «Общество есть продукт составляющих его единиц». Подобное направление мысли задали индивидуалистический подход к пониманию общества и его эволюции: общество представлялось Спенсеру особым бытием (*Entity*), слагающимся из отдельных (*descrete*) единиц. Постоянное сохранение в течение значительного времени общего сходства в группировках этих единиц в пределах занимаемой местности указывает на «конкретность составляемого ими агрегата», т. е. общества, структуры и организации которого специализируются на выполнении определенных задач (функций). Спенсер поддерживал в социальных науках метод аналогии между биологическим и социальным организмами, что позволило утвердиться в социологии таким понятиям, как «структура» и «функция». С последним в социальные науки прочно вошел функциональный подход к изучению частей социального организма. Важна и идея об усложнении развивающегося социального организма в процессе развития, появления новых его элементов и их последующей интеграции.

Более конкретно значение Спенсера для развития политической мысли определяется прежде всего созданием целостной (по замыслу) концепции эволюции общества. Исходя из материального характера реальности, представляющей собой единство материи, энергии и движения, Спенсер трактовал эволюцию как единый принцип всей реальности («вселенной», мира), заключающийся в переходе от простого к сложному, *от гомогенности (однородности) к гетерогенности (разнообразию)* средствами структурной и функциональной дифференциации. В целом социальная эволюция - процесс противоречивый, но в основном плавный и в значительной мере автоматический, не допускающий сознательного ускорения и вмешательства извне. Теория органической эволюции была выдвинута Спенсером до появления учения Чарльза Дарвина и Рассела Уолласа о естественном отборе. Позже Спенсер признал теорию Дарвина, однако только как частность теории эволюции, утверждая, что открытый им закон развития от гомогенности к гетерогенности носит универсальный характер.

Что касается собственно социальной эволюции, то в основе ее механизма лежат три фактора. Во-первых, гомогенное население не-

стабильно, люди неравны по многим позициям (собственность, умения, условия жизни и т. д.). Таким образом, обязательно возникает дифференциация ролей, функций, власти, престижа и собственности. Во-вторых, существует тенденция к усилению неравенства и росту дифференциации, расширению ее на прочие сферы жизни. Далее, поскольку люди, занимающие одинаковое положение, стремятся объединиться, постольку общество начинает делиться на группы по классовым, национальным или профессиональным различиям. Появляются границы, охраняющие эти объединения, поэтому разделенность населения усиливается. В итоге, возвращение к исходному однородному состоянию становится невозможным. Данный механизм выступает причиной того, что человечество в своем развитии проходит ряд последовательных стадий. Простые общества, лишённые политической организации по причине однородности населения, сменяются сложными, в которых появляется разделение труда между индивидами и разделение функций среди частей общества, в которых центральное значение приобретает иерархическая политическая организация. Этот процесс ведет к тому, что появляются гораздо более сложные социальные организмы. Чтобы продемонстрировать направление эволюции Спенсер предложил дихотомную типологию обществ, основанную на противопоставлении военного (милитаризованного) общества и промышленного, современного общества. В общем виде, военное общество - это постоянно мобилизованный народ, и нет особого различия между армией и народом. Развитие обществ в направлении промышленного типа характеризуется постепенным переходом от принудительного к добровольному сотрудничеству. Рабочий и работодатель представляют собой в таком обществе независимые личности; в таком обществе доминируют идеи о том, что воля граждан имеет верховный характер (признан народный суверенитет), и государство существует для блага народа и каждого индивида.

СТРОНИН Александр Иванович

Стронин Александр Иванович (род. 20 февраля (4 марта) 1827 г., С. Ракитино, Курская губерния - умер 29 января (10 февраля) 1889

г., Ялта) - русский социолог-позитивист, представитель органицизма, просветитель; юрист и государственный деятель.

Биография и основные работы

Стронин, происходивший из семьи образованного крепостного князей Юсуповых, обучался на историко-филологическом факультете Киевского университета, окончив его в 1848 г. Преподавал в гимназиях и воскресных школах на Украине. Участвовал в деятельности народнической организации «Земля и воля» в Полтаве, пропагандировал идеи А. И. Герцена. За общественную деятельность был арестован в 1862 г. и сослан в г. Шенкурск Архангельской губернии, где служил в судебных учреждениях и написал свой первый научный труд «История и метод». После возвращения из ссылки в 1869 г. Стронин, не оставляя просветительской деятельности, начал службу в Санкт-Петербурге при Государственном контроле, занимал должности присяжного поверенного в Санкт-Петербурге, мирового судьи в Витебской губернии, председателя съезда мировых судей в Царстве Польском, юрисконсульта Министерства путей сообщения и члена совета Министерства путей сообщения (1887). В последние годы работал над книгой «Теория личности» (не завершена).

Автор ряда работ, в том числе: «История и метод» (1865); «Мир и война» (1870); «**Политика как наука**» (1872), «История общественности» (1885) и др.

Вклад в развитие политической науки в России

Будучи сторонником позитивизма, Стронин придерживался механистических взглядов на общество и стремился создать общую методологию науки, одинаково применимую и в естествознании, и в обществознании. Исходя из законов механики, он предлагал геометрическую модель общества: пирамида, обеспечивая внутреннее движение, одновременно остается стабильной и устойчивой благодаря круговому основанию (в зависимости от плоскости разреза пирамиды получалась также коническая и круговая структура). Статической образ общества как пирамиды дополняется исторической круговой теорией (динамический аспект), по которой индивид может одновременно входить в состав нескольких общественных союзов - концентрических кругов (семья, община, государство).

Стронин видел в социологии две основных составляющих - «невещественную», т. е. социологию политики, и «вещественную» социологию, сфера изучения которой распространяется на экономическую жизнь общества. Социологию политики он считал связующим звеном между естествознанием и обществознанием. Социология политики, в свою очередь, состоит из «практического искусства» (прикладные исследования) и «теоретической науки» (фундаментальные исследования). Предметом «политики как науки» (политической социологии) является, по Стронину, «жизнь деятельная», которая имеет «оттенок и созерцательный, и эстетический»: «Отсюда и три политики: политика теоретической деятельности, политика эстетической деятельности и политика практической деятельности».

В сфере политики («специально-политическая жизнь») Стронин увидел дифференциацию функций («политических отправлений») между «специальными политическими органами» и предложил их оригинальную классификацию: **интеллигенция** как «теоретический орган» выполняет «отправления созерцательной политической жизни» («проводник внешнего мира во внутренний»), т. е. выполняет мыслительные, концептуальные функции, создает идеи, идеалы, социальные проекты; **правительство** как «чисто эстетический общественный орган» выполняет отправления эстетической политической жизни, является «регулятором, устанавливающим гармонию» между внешним и внутренним мирами, претворяет идеи и проекты интеллигенции; гражданство как «практический орган» выполняет отправления деятельной политической жизни («проводник внутреннего мира во внешний»), т. е. воплощает в жизнь идеи, решения и т. п. Поскольку «интеллигенция есть класс активный, инициативный», то она является преимущественно политическим классом, а гражданство - «класс пассивный, по преимуществу воспринимающий и, следовательно, гораздо больше экономический», с второстепенными политическими функциями. Правительство совмещает в себе функции интеллигенции и гражданства, а также выполняет регулятивные функции, являясь «социологическим классом». Далее, правительство в широком смысле является еще и органом власти. Его главные функции - «правоопределение», или нормотворчество, т. е. законодательное закрепление идей интеллигенции, их адаптация под конкретные требования общественного организма; «суд», устанавливающий справедливость, т. е. приводящий реалии в

соответствие с нормативными требованиями; «администрация», результат которой - «правда», т.е. «практическое осуществление того, что должно быть», «право-правие», осуществление права. Общий смысл функций-«отправлений» «политических органов» - «политическое творчество в обширном смысле слова», создающее «продукты политические», иначе «блага невещественные». «Политический продукт» интеллигенции - «обыкновенно широкие и неопределенные» идеи, правительства - «права», а гражданства - нравы: «Цель первых есть общественная истина, цель вторых - общественная красота, гармония, равновесие, цель третьих - благо общественное». Совокупный «продукт» правительства Стронин называет «культурой», а продукт просветительской деятельности интеллигенции - «цивилизацией».

Если идеи являются «летучим материалом политики», легко меняются, распространяются в обществе и даже им заимствуются у других обществ, то нравы в этом отношении сильно отличаются от идей. Нравы (в современных социальных науках обозначаются понятием «традиции») отличаются стабильностью, устойчивостью, сопротивляемостью к изменениям и вырабатываются «всей жизнью» общества: «Нравы суть окончательный итог, заключительный вывод всей деятельности; это самый сложный продукт ее, заключающий в себе все другие; это степень, требующая действительного предварительного переживания всех степеней предыдущих: и идей, и идеалов, и проектов, и прав, и справедливостей, и правд. Оттого-то и для лица, и для общества единственное действительное мерило суть нравы его; это единственно действительный показатель прогресса и человечности».

Относительно власти в обществе Стронин выступил с тезисом о том, что «власть есть соединение силы, богатства и знания, а всякое соединение силы, богатства и знания есть власть», однако все равно «власть начинается от знания». Что же касается политических партий, то Стронин считал их выражением «политических инстинктов». Базовым, «неразложимым более общественным инстинктам» соответствуют две основные партии - «прогрессисты» и «регрессисты». Существует еще и «переходный инстинкт» - консервативный, охранительный, которому соответствует партия консерваторов.

Определенный интерес представляет вторая часть «Политики как науки», носящая вполне актуальное название - **«Политическая диагностика и прогностика России»**, в которой Стронин предвосхи-

тил некоторые положения современных модернизационных теорий о России, широко используемых в сегодняшней полемике о путях ее развития. Стронин выступил с утверждением телеологического характера о том, что развитие России связано с возвращением и просвещением демократизма, а также его встраиванием в глобальный исторический контекст и избавлением от невежественных, первобытных форм аристократизма, среди которых «праздность телесная и душевная, равнодушие к науке, к свободе, к достоинству». По Стронину, главной проблемой России является непостепенность, волнообразность исторического развития страны, смена состояний застоя и резких изменений вроде реформ Петра I, грандиозность реформаторских проектов по перестройке прошлого, стремление догнать просвещенный Запад, перескочив назначенное историей, и т. п. В результате, «волны таким образом возрастают, и вместо простого течения является буря» и «увекочивается волнение как органический порок общества». Отсюда и рекомендация перейти на путь постоянных малых реформ без «великих царствований» и «великих реакций», и призыв к власти, учитывая исторические пороки России, опередить или предотвратить грядущие бедствия путем продуманных уступок, исправлений, политикой соревнования с оппонентами, а не их подавления. И все же прогноз Стронина суров: «... За наше равновесие общественное мы заплатим многим человеческим».

Не меньший интерес представляет и его сравнительная оценка различных способов поддержания единства государства. С одной стороны, оно обеспечивается «прочностью и популярностью центрального правительства», а с другой - «единством и тождественностью национальности». Во многих развитых государствах два эти способа взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга. В России все обстоит иначе: есть чрезвычайно сильное центральное правительство, т. е. чрезмерная централизация, и отсутствие правительственных полномочий у «национальностей», т. е. элементов децентрализации. К этому следует также добавить и то, что в стране в силу многонационального состава ее населения отсутствует подлинная «национальная целостность и социальное единство», и что еще хуже, отсутствует последовательная политика в этом («национальном») вопросе: то национальности «признаются» и им делегируются политические полномочия в виде создания автономий, то правительство упраздняет всё ра-

нее сделанное в этом направлении, умаляя достоинство других «национальностей», в то время как «смирение над подвластными» из порока становится добродетелью.

Работы Стронины способствовали оформлению в России социологии, и в особенности политической социологии, как научной дисциплины, вполне соответствовавшей общемировому уровню ее развития во второй половине XIX столетия.

ТЕННИС Фердинанд

Теннис (*Tunnies, Ferdinand Julius*) Фердинанд (род. 26 июля 1855 г. близ г. Олденсворт, Шлезвиг-Гольштейн - умер 9 апреля 1936 г., Киль) - немецкий социолог и философ; один из основоположников социологии в Германии, и в частности «формальной» школы социологии.

Биография и основные работы

Теннис обучался классической филологии, философии и истории в университетах Страсбурга, Йены, Бонна, Лейпцига и Тюбингена; в университете Килья в 1881 г. стал доктором философии в области классической филологии; в 1881-1933 гг. (с перерывами) преподавал в университете Килья (приват-доцент с 1881 г., ординарный профессор с 1913 г.). Теннис явился сооснователем (вместе с М. Вебером, Г. Зиммелем и др.) и первым председателем Немецкого социологического общества (1909), а также сооснователем и председателем Гоббсовского общества и членом еще нескольких научных и философских обществ; был широко известен в Великобритании как англоязычный редактор работ Т. Гоббса. За критику нацизма был отстранен от преподавательской и общественной деятельности в 1933 г.

Автор ряда работ, в том числе: «**Община и общество**» (первое издание 1887 г. - *Gemeinschaft und Gesellschaft: Abhandlungen des Communismus und des Socialismus als empirische Kulturformen*, с подзаголовком «Рассмотрение коммунизма и социализма как эмпирических культурных форм»; второе, 1912 г., переработанное и расширенное издание - *Gemeinschaft und Gesellschaft: Grundbegriffe der reinen Soziologie*, с подзаголовком «Основные понятия чистой социологии»); «Жизнь и учение Томаса Гоббса» (*Thomas Hobbes Leben und Lehre*,

1896); «Обычай» (*Die Sitte*, 1909); «Критика общественного мнения» (*Kritik der öffentlichen Meinung*, 1922); «Введение в социологию» (*Einführung in die Soziologie*, 1931).

Вклад в развитие социальных наук

В историю социологии Теннис вошел как ученый-теоретик, противопоставивший принципы *традиционного* («община») и *современного* обществ, разрабатывавший проблемы методологии социального познания и обосновавший «формальный» подход в социологии, а также как социолог-эмпирик, осуществивший несколько общегерманских социологических исследований. Теннис также считается пионером урбанистических и коммунитаристских исследований. Его идеи, весьма популярные в 1920-е гг. преимущественно в Германии, в конце XX в. переживают возрожденный интерес к себе со стороны западноевропейской социологии.

Теннис исходил из того, что все социальные взаимодействия (отношения) и образования (социальные коллективы и корпорации) выступают в качестве волевых отношений, т. е. созданы человеческой мыслью и волей. Иначе говоря, отношения становятся социальными в строгом смысле этого слова при условии, что они желаемы, признаны и подтверждены участниками этих отношений (волонтаристская концепция социальных отношений). Воля, создающая и поддерживающая конкретные социальные образования, дает начало двум возможным типам социальности (социальных отношений) - «**общине**», иначе «общности» (*Gemeinschaft*), и «**обществу**» (*Gesellschaft*), рассматривавшимся Теннисом в качестве основных категорий социологии. В основе каждого типа социальности заключен свой тип **воли**, определяемый в зависимости от отношения к целям и средствам. Так, в основе «общины» (*Gemeinschaft*) лежит «**сущностная воля**» (*Wesenwille*), иначе органическая, естественная, *инстинктивная* воля, непосредственно переходящая в действие, подлежащее оценке с точки зрения его внутренней ценности. Она не обязательно рациональна, поскольку основана на главенстве чувств и инстинктов: она является проявлением природы действующего человека. В основе «общества» (*Gesellschaft*) находится «**избирательная воля**» (*Kürwille*, образована от старогерманского «выбирать»), иначе *рассудочная* воля, ориентированная на формирование и достижение определенной цели. Этот тип

воли - «расчетливый разум» - характеризуется сознательным выбором средств для достижения целей, поскольку она основана на главенстве рационального мышления. Теннис отмечал, что образцы сущностной воли различаются степенью рациональности и соответствуют аффективным, традиционным и ценностнорациональным ориентациям социального действия, а избирательная воля - целерациональным ориентациям, предложенным М. Вебером. Социальные образования - объекты сущностной воли, например, религиозные секты, происходят из взаимной симпатии, обычаев или общих верований и сами по себе представляются их членами как имеющие особую ценность, в то время как социальные образования - объекты избирательной воли, например, большинство ассоциаций деловых людей, фирм и т. п., рассматриваются их членами *прежде всего* в качестве средства достижения (своей) определенной цели.

Согласно Теннису, «общине», «где люди через свою волю органично связаны друг с другом и положительно относятся друг к другу», присущи следующие основные черты: социальные отношения, основанные на **родстве; семья** в качестве типичного социального института; **обычай, нравы и религия** в качестве основных инструментов социального контроля; **семейное право** как тип законодательства; **деревня** как основное социальное пространство и **земля** как основная форма богатства. Отношения, подобные общинным, Теннис подразделяет на отношения равенства (*Genossenschaft*) и отношения «превосходства - подчинения» (*Herrschaft*), а также допускает существование их смешанных вариантов.

От «общины», в которой распространены личные, первичные социальные связи, «общество» отличается главенством опосредованных, вторичных контактов. Важнейшими характеристиками «общества» (*Gesellschaft*) являются: социальные отношения, основанные на **экономическом обмене; государство** и **экономическая организация** в качестве главных социальных институтов; **законы** и **общественное мнение** в качестве основных инструментов социального контроля; **контрактное право** как тип законодательства; **город** как основное социальное пространство и **деньги** как главная форма богатства. В «обществе» господствуют отношения рационального обмена (т. е. имеющие целью различные выгоды), при которых индивидуальные члены- «лица» в формально-юридическом смысле - выступают в целом как равные.

«Община» и «общество» в социологии Тенниса конструируются в качестве идеальных психосоциальных типов социальных отношений в ходе анализа их реальных прототипов - семьи, родства, соседской общины, города и религиозной общины для «общины», и контрактных отношений, объединенных общим интересом коллективов и т. п. для «общества». Поскольку «община» и «общество» являются идеальными типами (Теннис сравнивал их с химическими элементами) и эмпирически «в чистом виде» они невозможны, то их нельзя использовать в качестве категорий классификации, но можно с их помощью установить присутствие элементов данных идеальных типов в реальных социальных объектах.

Предложенное Теннисом различие «общины» и «общества», а по сути - традиционного и современного обществ, став (в той или иной форме) неотъемлемой частью социологии в XX в. и имея значительное сходство с аналогичными моделями других социологов-эволюционистов XIX - начала XX вв. (например, *Эмиля Дюркгейма*, *Герберта Спенсера*), является уникальной в силу критического отношения (имеющего в своей основе консервативно-романтический антикапитализм) к современному обществу, к эволюции в виде перехода от «общины» к «обществу» и победы последнего в Европе, которая ведет к проникновению рационального расчета во все социальные связи и их превращению во внешние, случайные (речь идет об отчуждении) и, в итоге, во все более конфликтные и чреватые кризисами. Считается, что идеи Тенниса заложили важную основу критической концепции «массового общества». Кстати, сам он считал оптимальным общественным устройством социалистический порядок со значительными «общинными» элементами и т. п. Социология Тенниса оказала непосредственное влияние на германскую «социологию знания».

ТОКВИЛЬ Алексис де

Токвиль (*de Tocqueville, Alexis Charles-Henri-Maurice Clérel*) Алексис де (род. 29 июля 1805 г., Париже - умер 16 апреля 1859 г., Канны) - выдающийся французский политический мыслитель, историк, социолог, публицист и государственный деятель; один из теоретиков современной демократии.

Биография и основные работы

Алексис де Токвиль родился в нормандской аристократической семье и подобно многим ее представителям выбрал политическую карьеру. В молодые годы мыслитель находился под сильным влиянием либеральных идей: на него произвели сильное впечатление лекции французского историка и государственного деятеля *Франсуа Гизо* (1787-1874), утверждавшего, что деградация аристократии как исторической и политической силы неизбежна. Либеральные убеждения и реалии Франции заставили де Токвиля увлечься изучением английской истории, которую он какое-то время считал образцом политического развития и возвратился к этому убеждению в конце жизни.

После событий июльской революции 1830 г. и воцарения «короля-гражданина» Луи Филиппа Орлеанского, которые несколько осложнили положение семьи из-за связей со смещенным королем Карлом X, де Токвиль пришел к выводу, что Франция все больше движется к установлению полного социального равенства, и политической моделью для нее должна быть не английская конституционная монархия, но демократическая Америка. Все эти обстоятельства подвигли де Токвиля обратиться за разрешением отправиться в США для, как им было официально представлено, изучения американской пенитенциарной системы, хотя сам мыслитель преследовал цели близкого знакомства с американским обществом и его политической системой для того, чтобы попытаться применить американский опыт во Франции.

В 1831-1832 гг. де Токвиль с единомышленником и соратником Гюставом де Бомоном провел 9 месяцев в США, где встречался со многими ведущими политиками и мыслителями, пытаясь понять основы американского общества и залог его свободы, среди которых он выделил наиболее важный аспект - равенство условий. По результатам пребывания им были написаны «О пенитенциарной системе в США и ее применении во Франции» и первая часть обширной работы «**Демократия в Америке**» (1835). Уже первая часть «Демократии в Америке» принесла ему широкую известность и немалые гонорары. Токвиль был введен в состав Почетного Легиона, стал членом Академии моральных и политических наук (1838) и Французской академии наук (1841). Работа над основной частью «Демократии в Америке» растянулась на четыре года, поскольку мыслитель обратился к изучению теоретических аспектов демократии, равенства и свободы и их приме-

нимости во Франции, которая все больше погружалась в состояние политической апатии и автократизма.

В этот же период де Токвиль вошел в Палату депутатов (1839) и регулярно избирался в нее в последующие годы. Политическая карьера Токвиля складывалась в целом не очень удачно: он не пользовался большим авторитетом как законодатель, хотя обладал репутацией известного политического ученого; его пророческое заявление о приближении революции 1848 г. не было услышано, а предупреждения об опасности апатии и раздоров среди либералов игнорировались. Революционные события 1848 г. убедили де Токвиля в силе социалистических идей и политическом потенциале пролетариата, однако он не стал сторонником социализма и продолжал выступать против увеличения роли государства в экономической и социальной жизни даже под лозунгами обеспечения малоимущих слоев, поскольку это может привести к зависимости всех классов от государства, чреватого всеобщей деградацией. Этим объясняется его предпочтение либеральной демократии перед уравнилельной концепцией социальной демократии, как она оформилась во Франции в 1848 г. В 1848 и 1849 гг. де Токвиль избирался в Законодательное собрание Франции, став членом комиссии, разрабатывавшей конституцию Второй республики, и вице-председателем Законодательного собрания. В июне-октябре 1849 г. он занимал пост министра иностранных дел. После военного переворота 1851 г. и узурпации власти президентом Луи Наполеоном Бонапартом (провозглашен императором Наполеоном III в 1852 г.) де Токвиль отказался принести присягу новой власти, был смещен со всех постов и подвергся краткому тюремному заключению, что сильно сказалось на и так неважном состоянии его здоровья. Надежды на новое возвращение в политику де Токвиль связывал со своей научно-литературной деятельностью: он начал писать книгу **«Старый порядок и революция»**, которая должна была стать первой частью масштабного исследования, посвященного Французской революции 1789 г. и последующим революционным событиям. Франция предстала в этой работе заложницей собственной истории: в силу устойчивости политических традиций и преемственности политического поведения страна воспроизводила все те же проблемы и была все также далека от стабильной демократии. Эти выводы позволили де Токвилю высоко оценить опыт Англии и США, которые добились значительных достижений в соци-

ально-политическом развитии без постоянных революций. Книга «Старый порядок и революция» получила широкое общественное признание, особенно в Англии, где де Токвилю был оказан теплый прием.

Автор работ, среди которых: «О пенитенциарной системе в США и ее применении во Франции» (*Du système pénitentiaire aux États-Unis et de son application en France*, 1833; соавт. Г. де Бомон); «О демократии в Америке» (*De la démocratie*, 1835-1845); «Старый порядок и революция» (*L'Ancien Régime et la Révolution*, 1856). В 1860-1866 гг. был издан девятитомник сочинений де Токвиля под редакцией де Бомона, а в 1893 г. - «Воспоминания» (*Souvenirs*) и переписка. В конце XIX - начале XX в. о политико-философском наследии де Токвиля почти полностью забыли, но по мере нарастания угрозы тоталитарных тенденций интерес к этому мыслителю возрождался: в нем увидели глубокого и оригинального идеолога демократии, авторитетно оппонировавшего и фашизму, и коммунизму, и вообще любым проявлениям тоталитаризма. Его труды стали заново издавать и переводить (например, французское «Полное собрание сочинений», или *Oeuvres complètes*, под ред. Дж. Майера), появилось немало биографических и др. исследований. В России после изданий начала века работы де Токвиля находились под запретом и вышли заново в свет лишь в 1990-х гг.

Вклад в развитие политической мысли

Вклад де Токвиля в развитие политической мысли имеет несколько аспектов, из которых особо выделяются замечания общеметодологического характера, суждения о либерализма и консерватизме, идеи о революции и концепция демократии.

Хотя де Токвиль специально не занимался проблемами методологии социальных наук, его сочинения являются по сути примером социологического подхода к изучению общественных явлений, основанного на принципах историзма (школа Гизо) и детерминизма (очевидно влияние **Шарля Луи Монтескье** (1689-1755)). Это обстоятельство позволило причислить де Токвиля к классикам политической социологии. Более того, его идеи оказали ощутимое влияние на Макса Вебера, Карла Мангейма и др., а его работы до сих пор остаются примером комплексного теоретико-социологического исследования общества.

По поводу политических пристрастий де Токвиля, то есть его отношения к либерализму и консерватизму, следует учитывать то, что

во Франции и Англии его имя устойчиво ассоциировалось с либерализмом. Однако политфилософское наследие этого мыслителя гораздо сложнее и выходит за рамки дихотомного противопоставления либерал-консерватор. Де Токвиль критически и во многом с позиций английского консерватора *Эдмунда Бёрка* (1729 - 1797) судил о Французской революции, отмечая разрушительную роль французских рационалистов-просветителей в подготовке революции. Эти философы и литераторы создали иллюзию легкого пути преобразования общества в соответствии с ими же сформулированными, а точнее выведенными из их индивидуальных представлений о естественном праве, правилами и законами, которые отрицали *«многосложные и традиционные обычаи»* и призывали не только к полному упразднению гражданских законов, то есть по существу всей политической системы, но и отмене «религиозных законов» как препятствия свободному рациональному разуму. Дореволюционная французская политическая мысль, таким образом, значительно упрощала действительность и призывала построить утопию, чрезвычайно притягательную своей стройностью, однородностью и справедливостью, отвергнув все прошлое. Осуществление их проекта привело к тому, что «человеческий ум совершенно потерял под собою почву: он не знал, чего держаться и где остановиться», а власть была захвачена «расой революционеров невиданного типа, которые ... не знали сомнений и никогда не колебались какого бы то ни было намерения» (*«Старый порядок и революция»*). Поэтому революция 1789 г. и все последующие революционные события, по мнению де Токвиля, части одной и той же драмы, серия связанных явлений, основанных на пренебрежении всяким авторитетом, узком индивидуализме, потере традиций и традиционных связей и подготавливающих новые бедствия: «Я вижу, что мы уничтожили личности, которые могли, каждая в отдельности, бороться с тиранией; но я вижу, что государство одно наследует все прерогативы, отнятые у семейных союзов, корпораций и отдельных лиц: таким образом сила небольшого числа граждан, имевшая иногда притеснительный, но часто охранительный характер, заменилась слабостью всех. Раздробление имуществ уменьшило расстояние, отделявшее бедного от богатого: но сделавшись ближе друг к другу, они как будто нашли новые основания для взаимной ненависти и, бросая один на другого взгляды, полные страха и зависти, отталкивают друг друга от власти: для одного, как и

для другого, не существует понятия о праве, и сила представляется им обоим как единственное основание для настоящего положения и единственной гарантией для будущего» («О демократии в Америке»).

Изучая уже в зрелом возрасте английскую историю, де Токвиль пришел к выводу, что гораздо большего можно добиться постепенным улучшением естественным образом сложившихся и проверенных временем институтов, как это собственно и сделала Англия во второй половине XVII в., чем их заново строить после революционного разрушения «всего и вся», осуществленного во Франции в конце XVIII в. Мнение де Токвиля о результатах Французской революции и высокой общественной цене революционаризма подтвердил трагический опыт всех российских революций. Верным оказалось также и другое наблюдение Токвиля: революции происходят не тогда, когда тирания характеризуется максимальной жестокостью, но когда людям становится очевидно, что она смягчается.

Токвиль представлял историческое развитие как замену аристократического (феодального) типа правления демократией: «Вокруг нас происходит великая демократическая революция... Это самая общая, самая древняя и самая постоянная тенденция истории... Она универсальна, она долговременная ... и все события, также как и люди вносят свой вклад в ее прогресс». Этот революционный по форме процесс имеет не только экстенсивный (т. е. охватывает весь мир), но и качественный характер, преобразуя все сферы жизни общества и выражаясь, в частности, в индивидуализации общества, ослаблении власти авторитетов, размывании социальных барьеров между классами и сословиями, приватизации частной жизни, ослаблении ответственности перед обществом (подрыв «общественных добродетелей»). Но не смотря на титанические усилия революционеров, все равно в обществе сохранится определенная преемственность, даже в негативном смысле.

Как отмечал де Токвиль, по мере демократизации «великие революции» происходят все реже, поскольку усиливаются индивидуализм и интеллектуальный застой («великие идеи» для «великих революций» в эпоху коммерциализации интеллектуальной деятельности появляются все реже). Вместе с тем отмечается рост власти и увеличения полномочий централизованного государства. Его описание мыслителем удивительным образом совпадает с практикой современного

«государства всеобщего благоденствия». Рост централизации и бюрократизации имеет своим следствием то, что государство «избавляет» людей «от обязанности думать», то есть возникает новая тирания («тирания посредственности», тирания чиновников), существование которой подвластные, становящиеся безликой однородной «массой», даже не будут ощущать. Новое демократическое общество де Токвиль представлял бесклассовым, но не в социалистическом духе, поскольку неравенство основано на естественных различиях между людьми, а обществом, в котором нет традиционных классов и сословий.

Итак, распространение демократии порождает немало проблем, среди которых вероятность возникновения новой тирании - «демократического деспотизма» («подчиняет право каждого воле всех»), которому, по мнению де Токвиля, нужно противопоставить высокое самосознание членов демократического общества, возможность свободно объединяться в союзы, развитие местного самоуправления, федерализма и добровольных ассоциаций (по сути это формула современного гражданского общества), распространение религиозной этики как противовеса этатистскому (державному) культу, принцип ответственности чиновников.

УОЛТС Кеннет

Уолтс (Waltz, Kenneth Neal) Кеннет (род. 8 июня 1924 г.) - американский политолог, представитель теории неореализма и один из ведущих теоретиков в области исследований международной политики.

Биография и основные работы

Уолтс получил докторскую степень в Колумбийском университете в 1954 г. Преподавал в Оберлинском (1950-1953) и Свортморском (1957-1966) колледжах, в Колумбийском (1953-1957) и Брэндайском (1966-1971) университетах; с 1971 г. - профессор политической науки в Калифорнийском университете (Беркли). Удостоен многочисленных премий и наград. Президент Американской ассоциации политической науки в 1987-1988 гг.; член Американской академии искусств и наук (1980); член американского Совета по международным отношениям с 1970 г. и лондонского Международного института стратегических ис-

следований с 1978 г. В разное время консультировал правительственные учреждения США.

Автор ряда работ, среди которых: «Человек, государство и война» (*Man, the State, and War: A Theoretical Analysis*, 1959); «Внешняя политика и демократический политический курс» (*Foreign Policy and Democratic Politics: The American and British Experience*, 1-е изд. 1967, 2-е издание 1992); «Применение силы. Военная мощь и международная политика» (*The Use of Force: Military Power and International Politics*, 1-е изд. 1971, 5 изд. 1999; соавт. и соред. Р. Арт); «Теория международной политики» (*Theory of International Politics*, 1979); «Распространение ядерного оружия» (*The Spread of Nuclear Weapons: A Debate*, 1995; соавт. Скотт Саган) и др.

Вклад в развитие политической науки

В центре научных интересов Уолтса находятся теоретические и методологические проблемы международных отношений как самостоятельной дисциплины. В настоящее время Уолтс уделяет много внимания комплексу проблем, связанных с ядерным оружием и его распространением. В своей диссертации, опубликованной в 1959 г. отдельной книгой «Человек, государство и война», Уолтс анализировал представления философов и ученых о причинах возникновения войн, дав трехуровневую классификацию этих представлений: 1) индивидуальный уровень, содержащий объяснения в терминах «человеческой природы»; 2) уровень наций-государств, содержащий объяснения на основе характеристики политических режимов; 3) уровень международной системы, содержащий объяснения в терминах распределения (баланса) сил. Именно системные объяснения аналитически адекватны и наиболее продуктивны при разработке конкретного политического курса. Статья Уолтса «*Стабильность биполярной системы*» (1964) в журнале Американской академии искусств и наук «*Daedalus*», развивая положения его первой книги, инициировала целую эпоху теоретических дискуссий относительно достоинств и недостатков биполярных и многополярных систем международных отношений, сделав ее автором одним из наиболее цитируемых в международных исследованиях.

В книге «Теория международной политики», которая стала своеобразным манифестом неореализма (структурного реализма), Уолтс попытался построить общую теорию международных отношений (МО)

с помощью *дедуктивного метода*. Критикуя индуктивные (предполагает создание концепций на обобщениях, восходящих от реальной политики к абстрактной теории) построения предшествующих теорий как охватывающие только видимые связи и не дающие их достаточной интерпретации, структурный реализм основывается на чистой дедукции и выводит из общих законов объяснение наблюдаемых феноменов МО. Уолтс предположил также, что решающие силы в игре наций на мировой арене находятся на уровне глобальной системы, а не на уровне отдельных акторов или даже их групп. Это предположение имело большое методологическое значение: феномены системы МО нельзя объяснить через атрибуты (постоянные свойства) отдельных акторов, их групп, а также взаимодействий между ними, поскольку на уровне акторов наблюдаются постоянные изменения. Предшествующие теории МО, и в частности классический реализм, Уолтс поэтому охарактеризовал как редуционистские (т. е. сводящие сложное к простому), поскольку при анализе явлений на уровне системы МО они ограничиваются исследованием национально-государственных единиц и их взаимодействий, что, хотя и помогает описать некоторые конкретные проблемы, еще не дает возможности сформулировать общую теорию. Таким образом, исходным пунктом размышлений у Уолтса становится *глобальная система* МО: «Поскольку разнообразие акторов и вариантов их поведений не соответствует разнообразию результатов, мы понимаем, что в игру вступают причины, относящиеся к системе».

Уолтс не отказывается полностью от анализа уровня акторов, адаптируя его к потребностям своей теории посредством обращения к экономической теории рынка (идеальной конкуренции). Последняя используется как эвристическое средство в анализе МО: система МО получает аналог в виде рынка, представляющего собой искусственное построение, созданное общей игрой участников рыночных отношений, которые, в свою очередь, начинают испытывать на себе неумолимое влияние (давление) созданной ими системы, обладающей своей собственной логикой и структурой. Тем не менее, в условиях «рынка МО» многочисленные акторы продолжают действовать независимо, ибо рынок не может создать инстанцию, обладающую абсолютной властью по отношению ко всем игрокам.

Системный характер МО определяется свойствами их **структуры**, которая направляет развитие в определенное русло. Уолте видит два механизма воздействия структуры: 1) социализация акторов, т. е. взаимное влияние в группах, которые направляют поведение каждого отдельного члена группы, и 2) конкуренция между акторами. Общим критерием выделения структуры в системе МО является понятие «**отношение**» (*relation*), означающее одновременно и взаимодействие акторов, и позиции, которые они занимают в системе относительно друг к другу. Однако структура не является простым сложением таких взаимодействий и позиций, но представляется качественно иным феноменом. В этой связи Уолте вычленил три специфических принципа (так называемая «**структурная триада Уолтса**»): 1) руководящий принцип деятельности (*ordering principle*); 2) характер акторов - элементов системы (*character of the units*); 3) относительные возможности/способности (*capabilities*). В условиях децентрализации и анархии, характерных для системы МО, актор, по Уолтсу, часто ведет себя как участник рынка, для которого главным принципом поведения, определяющей целью является увеличение прибыли. Аналогом прибыли в системе МО является «**выживание**» (*survival*) актора в качестве системного свойства МО вообще: «...Цели государств могут иметь бесчисленное множество различий ... от стремления завоевать весь мир до желания, чтобы их оставили в покое... Выживание есть предпосылка достижения любых целей, которые только могут быть у государств... Мотив выживания рассматривается, скорее, в качестве основы деятельности в мире, где безопасность государств не гарантирована...». Второй принцип триады определяет, чем являются акторы - элементы системы МО. По Уолтсу, акторы - это только государства, причем акторы-не-государства (например, транснациональные организации) только тогда будут играть решающую роль в системе МО, когда они смогут «догнать и перегнать сверхдержавы в отношении обилия власти и полномочий». О государствах сделан еще ряд уточнений: во-первых, государства не независимы - они подвергаются влиянию и принуждению со стороны системы, но вместе с тем, они автономны, т. е. наделены правом решать, как они будут действовать в условиях принуждения/давления: «Разница заключается не в функции, а в способности». Во-вторых, сверхдержавы имеют большие «возможности» (*capabilities*). Действительно, несмотря на то, что государства не различаются меж-

ду собой на функциональном уровне, различие имеет место на уровне относительных возможностей (третий принцип триады - *capability*) акторов: «Элементы ... таким образом, в основном различаются своей большей или меньшей способностью выполнять похожие задачи». Распределение относительных «возможностей» - чрезвычайно важная черта системы. Естественно, что для выдвижения на более предпочтительные позиции в системе МО государства стремятся расширить свои относительные возможности.

Структурное объяснение Уолтс применил в теории баланса сил, являющейся «специфически политической теорией международных отношений». Она описывает поведение государств как постоянное стремление к участию в относительно равновесных союзах. Поскольку цель любого государства - выжить, а в условиях анархических МО это достаточно проблематично, то самооборона - первоочередная задача любого государства. Чтобы усилить свои позиции, государство может прибегнуть к одному из двух вариантов действий. Во-первых, расширить свои относительные возможности, т. е. начать вооружаться, развивать экономику и т. д. Однако такая индивидуальная стратегия имеет предельные ограничения. Во-вторых, данное государство может вступить в союз с другими государствами, тем самым улучшив свое структурное положение в системе МО. Уолтс обращается к экономической теории идеальной конкуренции: точно так же, как участники рынка стремятся к получению максимальной прибыли, государства стремятся к выживанию и наращивают «единицы обороноспособности/безопасности». Но поскольку эти «единицы обороноспособности/безопасности» представляют собой товар особого рода и их количество ограничено, то баланс сил является универсальным состоянием устойчивости и безопасности, при котором «единицы обороноспособности/безопасности» распределяются более или менее равномерно. Поскольку не стремление властвовать является абсолютным приоритетом для государств, а соображения выживания, то баланс сил становится основополагающим в международных отношениях: «Поскольку сила является средством, а не целью, государства предпочитают присоединяться к слабейшей из двух коалиций... Если бы они хотели максимизировать силу, то присоединились бы к более сильной стороне, и мы бы стали свидетелями не рождающихся балансов, а начала мировой гегемонии. Этого не происходит, поскольку балансируют

вание, а не присоединение к победителю является поведением, навязываемым системой. Первейшее соображение государств - не максимизировать силу, а сохранить положение в системе». Отсюда, в частности, следует, что государства склонны заключать союзы, чтобы поддерживать взаимное равновесие и, тем самым, мир, а значит, и сохранение отдельных государств на мировой арене. В конкретном случае это означает, что внешняя политика государства, которое еще не является членом какого-либо союза, будет направлена на то, чтобы присоединиться к более слабому союзу и тем упрочить свои позиции в системе, поскольку в слабом союзе больше шансов занять лидирующее положение и получить больший выигрыш, чем в сильном, где доминируют сильнейшие державы, получающие больший выигрыш, чем младшие партнеры (клиенты) по коалиции.

В целом, неореализм Уолтса представляет собой важный этап в развитии теорий МО. Несмотря на критику со стороны многих современных теоретических направлений в международных исследованиях, например, «глобализма», теории «взаимозависимости» и т. п., «Теория международной политики» представляет собой одну из немногих за последнее время попыток создания системной «большой теории» миропорядка и достаточно успешной адаптации классического реализма к условиям современного мира.

Начиная с книги «Распространение ядерного оружия» (1981) Уолтс утверждает, что угрозы, связанные с распространением (*proliferation*) ядерного оружия, серьезно преувеличены. Он вышвыгивает парадоксальный лозунг «чем больше, тем лучше», т. е. чем больше государств войдут в «ядерный клуб», тем стабильнее будут МО, ибо сам факт обладания оружием массового поражения - уже гарантия (из-за эффекта сдерживания/устрашения) от нападения со стороны других стран; сверх того, уровень ответственности внешней политики ядерного государства значительно выше, чем у неядерного. Даже режим-«изгой», обладающий ядерным оружием, достаточно рационален и выше всего на свете ценит собственное выживание (в совокупности это означает, что против этих режимов тоже можно применять привычные меры сдерживания), а современные страхи США по поводу распространения ядерного оружия он считает надуманными и в значительной мере раздутыми с стороны СМИ и американских властей. Исходя из своего анализа баланса сил, Уолтс предсказал возникнове-

ние многополюсного соревновательного баланса сил и особой роли ядерного оружия.

ФРАНК Андре Гундер

Франк (*Frank, Andre Gunder*) Андре Гундер (род. 24 февраля 1929 г., Берлин) - экономист, социолог и политолог, разрабатывающий проблематику зависимости и экономических процессов в современном мире.

Биография и основные работы

Франк получил образование в Чикагском (и непродолжительный период - Мичиганском) университете (докторская степень по экономике в 1957 г.); в 1978 г. в Парижском университете получил степень доктора политической экономии с правом преподавания во Франции (*Doctorat d'Etat*). С 1962 г. жил и преподавал в странах Латинской Америки, преимущественно в Чили, которую покинул после военного переворота в 1973 г. Преподавал на факультетах антропологии, экономики, истории, политологии и социологии в ведущих университетах мира, в том числе в Берлине, Бостоне, Монреале, Норвике (Университет Восточной Англии - 1978-1983), Амстердаме (1981-1994), Торонто (1996-1998), Майями (1999-2000) и др. Франк неоднократно удостоивался премий за свои работы; в 1989 г. назван Ассоциацией международных исследований выдающимся исследователем в области международной политической экономии; почетный профессор экономики и социальных наук Университета Амстердама; член нескольких профессиональных ассоциаций и редакционных коллегий ряда академических журналов.

Автор более 880 статей и многих книг (переведены на 27 языков), в том числе: «Капитализм и отсталость в Латинской Америке» (*Capitalism and Underdevelopment in Latin America*, 1967); «Латинская Америка: отсталость или революция» (*Latin America: Underdevelopment or revolution*, 1969); «Капиталистическая отсталость» (*On Capitalist Underdevelopment*, 1975); «Мировое накопление. 1492 - 1789» (*World Accumulation, 1492-1789*; 1978); «Кризис мировой экономики» (*Crisis in the World Economy*, 1980); «Кризис в Третьем мире» (*Crisis in the*

Third World, 1981); «Динамика мирового кризиса» (*Dynamics of Global Crisis*, 1982 г.; в соавторстве с С.Амином, И. Валлерстайном и др.); «Европейский вызов» (*The European Challenge: front Atlantic alliance to Pan-European entente for peace and jobs*, 1983); «Критика и антикритика. Эссе о зависимости и реформизме.» (*Critique and Anti-Critique: Essays on dependence and reformism*, 1984); «Мир-система. Пять столетий или пять тысячелетий?» (*The World System: Five Hundred Years of Five Thousand?*; 1996); «Новый Восток. Глобальная экономика в эпоху Азии» (*ReOrient: Global Economy in the Asian Age*, 1998) и др.

Вклад в развитие политической мысли

В центре внимания Франка находятся проблемы мир-системы и мировой экономики, развития и экономической политики, социальных движений и мировой истории. География его исследований обширна и включает Латинскую Америку, Азию, бывший СССР и Восточную Европу (Франк начал заниматься советскими исследованиями задолго до крушения Советского Союза: его диссертация была посвящена сравнительному исследованию производительности труда в сельском хозяйстве и промышленности Украины; он одним из первых ввел в научный оборот понятия Второго (социалистический лагерь) и Третьего миров и призывал к включению Восточной Европы и СССР в процессы европейской интеграции). Результаты исследований Франка весьма широко цитируются в различных сферах знания. Научные прогнозы Франка пользовались большой популярностью в 1970-1980-х гг.

Хотя вопросы зависимости попали в сферу научного исследования еще в 1940-х гг. (Карл Поланьи, Рауль Пребих и др.), «теория зависимости» стала популярной во многом благодаря Иммануилу Валлерстайну и Франку. В 1960-х гг. Франк выступил с утверждением, что экономическая развитость (*development*) и отсталость (*underdevelopment*) не являются естественноисторическими этапами развития, присущими всем без исключения государствам. Развитость и неразвитость являются историческим результатом неравноправных межгосударственных отношений, при которых в течении долгого времени происходит отчуждение прибавочного продукта в разных формах, включая долговую, от периферии, представленной колониями, полуколониями и т. п., в пользу центра (метрополий). В долгосрочной перспективе этот процесс ведет к «развитию экономической отсталос-

ти» (*development of underdevelopment*) и «зависимой отсталости» (*dependent underdevelopment*) периферии («Юг»), за счет которых достигается выигрыш метрополии («Север») в виде устойчивого экономического роста. Более того, периферия «теряет» дважды: международная модель «зависимой отсталости» воспроизводится еще и внутри стран периферии - между городами и сельскими районами, между социальными и этническими группами и т.д.

Объектом «теории зависимости и развития отсталости», выдвинутой Франком, была Латинская Америка (где он жил долгое время после запрета въезжать в США по подозрению в «идеологической измене»), на примере которой он показал корреляцию между периодами экономического роста/спада и внешнеполитическими условиями: периоды роста совпадали с моментами минимальной экспансии центра (например, мировые войны, вызывавшие самоизоляцию стран-метрополий от остального мира и их занятость борьбой друг с другом), а периоды спада приходились на время подключения периферии к мировым торговым отношениям, интенсифицируемым странами центра. Франк пришел к оспариваемому сейчас заключению о том, что приемлемый уровень развития периферии в таких условиях станет возможен только, если она перейдет на автономный экономический рост на основе собственных ресурсов, ориентированный на удовлетворение внутренних потребностей, и самоизолируется от основных потоков мировой торговли, поддерживающей ее «зависимую отсталость».

С начала 1970-х гг. Франк занимался проблемами международной политической экономии и, в частности, мировыми экономическими кризисами. Он предсказал, что будущий кризис будет действительно глобальным и включит в свою орбиту социалистическую экономику. В анализе нефтяного кризиса 1973-1975 гг. Франк придерживался мнения, что эти события представляют лишь один из сменяющихся и все более глубоких спадов в рамках мирового экономического кризиса. Он оказался прав, предсказав отказ от кейнсианства в пользу монетаризма (и сопровождающееся насилием насаждение монетаристской модели экономического развития в странах Третьего мира) и последующую либерализацию экономик не только развитого Запада, но и стран Третьего мира и социалистического Восточного блока, чье положение в следующий всплеск кризисных явлений (после 1989 г.) будет особенно сложным и приведет к «экономической африканизации и поли-

тической ливанизации» (сейчас процесс фрагментации такого рода называется «балканизацией»).

Главное методологическое основание теории Франка - наличие *единой, взаимозависимой глобальной экономической системы*, существовавшей уже в XV-XVI вв. (что касается мир-системы, то, по мнению Франка, она начала развиваться пять тысяч лет назад) и характеризовавшейся наличием мирового разделения труда и многосторонней торговли. Сначала в этой системе доминировала Азия, и в особенности Индия и Китай, которые на раннем этапе получали большие преимущества от великих географических открытий европейцев. Так, установлено, что большая часть драгоценных металлов, добываемых европейцами в Северной и Южной Америках, через Европу и Филиппины попадали в Южный Китай и индийскую Бенгалию, обеспечивая им высокие уровни экономического роста и связанного с ним демографического прироста и изменения социальной структуры; однако затем именно это благополучие, по иронии, привело их к глубокому экономическому спаду в XVII в. В XIX в. центром экономического могущества благодаря научной и промышленной революциям, а также установленному ранее контролю над инфраструктурой мировой торговли, стала Западная Европа, а затем Северная Америка. В недавних работах Франк предложил пессимистический взгляд на будущее Запада, чье сегодняшнее доминирование, вероятно, клонится к закату, уступая место Азии (даже несмотря на экономический кризис 1997 г.). Тем самым, по мнению Франка, глобальная экономическая система демонстрирует возврат к ранней фазе - азиатскому (экономическому) доминированию, о чем свидетельствует совпадение исторических (до XIX в.) и современных ареалов роста.

ФУКУЯМА Фрэнсис

Фукуяма (*Fukuyama, Francis*) Фрэнсис (род. 27 окт. 1952 г., Чикаго) - американский политолог, профессор политологии в Университете Дж. Мэйсона (Фэрфакс, шт. Вирджиния); эксперт по международным отношениям, работавший в Государственном департаменте США. Оказал определенное влияние на идеологию американских «новых правых» в 1990-х годах.

Фукуяма стал известен благодаря статье «Конец истории?» (*The End of History?*), опубликованной в журнале «National Interest» в середине 1989 г. и книге «Конец истории и последний человек» (*The End of History and the Last Man*, 1992), в которых утверждал, что мировая история как продукт соперничающих идей (идеологий) подошла к своему завершению, поскольку после крушения коммунизма концепция либеральной демократии утвердилась в качестве единственного принципа политической организации человеческого сообщества. Также автор книг: «Доверие. Социальные добродетели и созидание процветания» (*Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*, 1996, издана более чем в 20 странах, во многих из них признана бестселлером; посвящена проблемам социального развития, содержит оригинальную типологизацию обществ на основании критерия «доверия», которое понимается как культурно и исторически детерминированный залог стабильности и процветания); «Великое крушение. Природа человека и изменение социального порядка» (*The Great Disruption: Human Nature and the Reconstitution of Social Order*, 1999) и др.

Вклад в развитие политической науки

Выдвижение идеи «конца истории» в конце 1980-х годов было обусловлено политическими и культурными причинами: эрозия марксистско-ленинской идеологии и распад мировой социалистической системы; расширение дискуссий о «постмодерне», «постистории» и о становящейся реальностью в развитых государствах Запада постиндустриальном обществе, которые постулируют возрастание глобальной взаимозависимости, а также плюрализации и универсализации в сфере идей. Согласно Фукуяме, в современном мире место «борьбы за признание», то есть борьбы идеологий, религиозных и мировоззренческих систем, заняла борьба за более эффективную стратегию удовлетворения человеческих потребностей в рамках всемирного общества потребления, то есть основной спор разворачивается отныне вокруг того, как более эффективно добиться одних и тех же (экономических) целей. Отдельные проявления идеологического соперничества локализованы «на задворках цивилизации».

Идея «конца истории» не является уникальной: она присутствует практически во всех религиозных доктринах, а ее нерелигиозная трактовка была представлена, например, *Г.В.Ф. Гегелем* (1770-1831)

и французским философом-неогегельянцем с русскими корнями *Александром Кожевым* (1902-1968), на которых ссылается Фукуяма. По Гегелю, «остановка истории» произошла в эпоху Наполеона с абсолютным «обуржуазиванием»; по Кожеву - во времена Сталина и Генри Форда, характеризовавшиеся победой технократического тоталитаризма; по Фукуяме - в период горбачевской перестройки и политики Рональда Рейгана, знаменующих собой полную «консюмеризацию» (от англ. consume - потреблять) человечества. «Конец истории» у Фукуямы - это «конец» политического (вместе с крушением коммунизма победил «мировой рынок») и культурного, поскольку одновременно с утверждением либеральной демократии в качестве универсального принципа организации человеческого сообщества господствующим типом культуры становится совокупность ценностей, ориентаций, мифов и т. д., объединенных понятием Запад.

Версия «конца истории» Фукуямы появилась на волне эйфории после окончания холодной войны и являлась попыткой осмысления складывающихся реалий на основе анализа новых тенденций в международных отношениях, выводы которого абсолютизировались и распространялись на все человечество, что вызвало критику данной концепции и ее замену идеей «столкновения цивилизаций» *Хантингтона*.

ХАБЕРМАС Юрген

Хабермас (*Habermas, Jürgen*), Юрген (род. 18 июня 1929 г., Дюссельдорф) - немецкий философ, политический мыслитель, социолог-теоретик; представитель «второго поколения» Франкфуртской школы социальной философии.

Биография и основные работы

Хабермас получил образование в университетах Геттингена, Цюриха и Бонна; до 1959 г. ассистировал видному представителю «первого поколения» Франкфуртской школы Теодору Адорно (1903-1969) в Институте социальных исследований (Франкфурт); в 1961-1994 гг. преподавал философию и социологию в ведущих университетах Германии (Гейдельберга - с 1961 по 1964 гг.; Франкфурта-на-Майне - с 1964 по 1970 гг., профессор); с 1970 г. - содиректор Института по ис-

следованию условий жизни научно-технического мира им. Макса Планка. Хабермас неоднократно удостоивался почетных наград и премий в области общественных наук и философии.

Автор ряда монографий, среди которых: «Структурная трансформация публичной сферы» (*Strukturwandel der Öffentlichkeit*, 1962); «Техника и наука как идеология» (*Technik und Wissenschaft als Ideologie*, 1968); «Познание и интерес» (*Erkenntnis und Interesse*, 1968); «К логике социальных наук» (*Zur Logik der Sozialwissenschaften*, 1973); «Теория коммуникативного действия» (*Theorie des kommunikativen Handelns*, 1982); «Философский дискурс Модерна» (*Der philosophische Diskurs der Moderne*, 1985) и др.

Вклад в развитие политической теории

Круг исследуемых Хабермасом проблем чрезвычайно широк и охватывает теории познания и коммуникации, проблемы языка и этики, методологию и философию права, проблемы и перспективы современных развитых обществ и другие масштабные проблемы. Характерной чертой исследований Хабермаса является критическое переосмысление и синтез идей и концепций многих направлений современной научной мысли, в том числе социологических теорий **Макса Вебера** (1864-1920) и **Эмиля Дюркгейма** (1858-1917), марксизма и неомарксизма Франкфуртской школы социальной философии, создавшей «критическую теорию», психоанализа **Зигмунда Фрейда** (1856-1939), феноменологии и структурализма и др. Результатом философского проекта Хабермаса является абстрактная теоретическая система, известная как «**теория коммуникативного действия**».

В одной из своих первых работ «Структурная трансформация публичной сферы» Хабермас рассматривает возникновение, развитие и перспективы «публичной сферы» (другой вариант перевода - «общественности») в современном капиталистическом обществе. «Публичная сфера» понимается как социальная арена («открытость и совместность»), на которой отдельные индивиды через общение и обоснование суждений (т. е. через многочисленные и разнообразные коммуникации) формируют нормативные ориентации, контролирующие и оказывающие рационализирующее влияние на использование государственной власти. По мнению Хабермаса, в традиционную концепцию «публичной сферы», сформированную ранним буржуазным об-

ществом, закладывалось неверное отождествление человека и буржуа-собственника, ставшее очевидным уже в XIX в., когда конфликт между капиталом и трудом распространился на сферу, как считалось, свободного и равноправного общения. Далее, уже в современную эпоху публичная сфера стала объектом вторжения технологичных массовых коммуникаций, рекламы и «связей с общественностью» (PR) и в значительной степени подрывается низведением демократических ожиданий к периодической поддержке на выборах представителей политических элит. Упомянутые силы вторгаются также и в частную сферу.

В 1970-е годы Хабермас начал разрабатывать философские основы концепции демократической легитимации (фактически же речь идет о попытке создания «большой» философской теории демократии). Согласно Хабермасу, стремление к правде, справедливости и т. п. являются нормативными предпосылками человеческого общения: сам факт дискуссии для ненасильственного разрешения противоречий уже предполагает, что подобные предпосылки существуют и находятся в действии, иначе нет смысла в нее вступать. Эти предпосылки можно выразить в понятиях структуры равного и взаимного доступа к диалогу. В работе «Кризис легитимности» эта тема была продолжена попытками обнаружить социальные последствия таковых предпосылок путем пересмотра марксистской теории кризисов. Хабермас утверждал, что развитый капитализм более не производит экономических и системных кризисов в чистом виде, поскольку государство освоило множество ранее не свойственных ему регулятивных функций по отношению к экономике. Но даже государство (сфера административного действия) более не в состоянии поддерживать баланс между противоречиями, происходящими из растущей социализированности экономики и ее обслуживанием частных интересов. Следующий из этой ситуации кризис административной рациональности может превратиться в кризис легитимности, если ценности и значения социокультурной системы начнут противоречить нормам частной и публичной сфер.

В фундаментальном двухтомнике «Теория коммуникативного действия» Хабермас утверждал, что развитие современного общества может быть понято в терминах дифференциации «систем», функционирующих на основе обезличенных посредников в виде денег и власти (соответственно, рынок и правительство), и «жизненного мира» как «нетематизированного горизонта значений, которые составляют осно-

вание жизненного опыта индивида». Патологии современного общества могут теперь быть поняты в терминах «колонизации» жизненного мира системами, т. е. опредмечивания и бюрократизации тех сфер жизни, которые по сути своей зависят от солидарности и взаимного признания. В этих условиях целью демократизации становится создание центров коммуникации (различные свободные ассоциации и движения), служащих для ограничения экспансии систем без того, чтобы быть поглощенными этими системами или уничтожить эти системы.

Большой интерес представляет отношение Хабермаса к **проекту модерна** (*Moderne*), которое проясняется, в частности, его докладом «Модерн - незавершенный проект», сделанным по случаю вручения премии имени Адорно в 1980 г. Хабермас не ограничивается в рассмотрении проекта модерна только сферой искусства и вслед за Максом Вебером видит реализацию проекта модерна как «дифференциацию ценностных сфер науки, морали и искусства» и их последующие институционализацию и профессионализацию, что «увеличивает разрыв между культурами экспертов и широкой публикой». По его мнению, оригинальный проект модерна, сформулированный в XVIII веке философами Просвещения, состоит в том, «чтобы неуклонно развивать объективирующие науки, универсалистские основы морали и права и автономное искусство с сохранением их своеобразной природы, но одновременно и в том, чтобы высвободить накопившиеся таким образом когнитивные потенциалы из их высших эзотерических форм и использовать их для практики, т. е. для разумной (другой вариант перевода - «рациональной») организации жизненных условий». XX век в значительной степени поколебал оптимизм Просвещения, выхолостил значительные элементы проекта, придал ему сугубо утилитарный смысл обеспечения экономического роста и технического прогресса в рамках успешной капиталистической модернизации вместе с попытками сохранения повседневных жизненных практик.

Обретенная современность (*Modernität*) как «человеческий удел, а не как акт воли» является **амбивалентной**, современность - это **вызов**: современное общество угрожает самому себе в ходе развития своих потенциальных возможностей, причем эти угрозы экономического, военного, экологического и социального характера бросают вызов вообще его существованию. Современность также подвергает ревизии и этим потенциально подрывает любые основания и традиции, упоря-

допивающие жизнь: «...Признаки разброда суть печать подлинности модерна... Антитрадиционалистская энергия перерастает во всепоглощающий вихрь» (Хабермас цитирует работу Адорно «*Asthetische Theorie*»). Однако именно современность дала человеку невиданный ранее уровень свободы: свободы самоопределения, когда ни одна норма не подлежит признанию, если человек не видит в ней какого бы то ни было значения, прежде всего для себя; свободы самовыражения и свободы научного исследования, неограниченного предрассудками или нерушимыми авторитетами.

Как считает Хабермас, «дифференцированная обратная связь современной культуры с повседневной практикой..., оскудевшей из-за голого традиционализма», т. е. спасение проекта модерна, будет возможна, если «можно будет направить *также* и социальную модернизацию в *другое* некапиталистическое русло, когда жизненный мир сможет выработать в себе институты, которые ограничат собственную систематическую динамику экономической и управленческой системы деятельности». Таким образом, Хабермас выступает защитником проекта модерна, который, по его мнению, не только не провалился, хотя в условиях кризиса модерна современный западный мир действительно охвачен сильными антимодернистскими и постмодернистскими настроениями, выражаемыми различными направлениями консерватизма, но и по сути не был осуществлен в полной мере оригинального замысла. Наблюдаемый в XX веке кризис проекта модерна стал результатом автономизации бюрократической, технической и научной подсистем общества, которые действительно добились огромных результатов в своем развитии, но при этом целерациональные (инструментальные) действия лишились важного элемента проекта модерна - морального действия, и в повседневной жизни стали доминировать интересы данных подсистем, превратившихся в самоцель, навязывающих планы социального развития, а не исторические потребности людей. Спасение проекта модерна, по Хабермасу, является крайне сложной, но вместе с тем не безнадежной задачей современников.

ХАЙЕК Фридрих

Хайек (*Hayek, Friedrich August von*) Фридрих (род. 8 мая 1899 г., Вена - умер 23 марта 1992 г., Фрайбург, Германия) - австро-британский экономист, автор фундаментальных исследований по проблемам рыночной экономики; политический мыслитель, классик современного либерализма.

Биография и основные работы

В 1921 г. Хайек получил докторскую степень по праву, а в 1923 г. - по политическим наукам в Венском университете. С 1931 г. Хайек преподавал в Лондонской школе экономики, с 1950 г. - профессор социальных наук и этики Чикагского университета, с 1962 г. - профессор экономической политике университета Фрайбурга, с 1969 г. - профессор-консультант Зальцбургского университета (Австрия), в 1977 г. вновь возвращается во Фрейбургский университет. Основатель Австрийского института экономических исследований (1927 г., совместно с Л. фон Мизесом), учредитель (вместе с К. Поппером и К. Полани) Общества «Мон-Пелерин» (1947 г., объединение философов, экономистов, политологов либерального направления). В 1974 г. Хайеку была присуждена Нобелевская премия по экономике.

Автор многочисленных работ, среди которых выделяются: «Дорога к рабству» (*The Road to Serfdom*, 1944); «Индивидуализм и экономический порядок» (*Individualism and Economic Order*, 1948); «Контрреволюция науки» (*The Counter-Revolution of Science: Studies on the Abuse of Reason*, 1952); «Структура восприятия» (*The Sensory Order*, 1952; посвящена проблемам теоретической психологии); «Капитализм и историки» (*Capitalism and the Historians*, 1954; соавт. и ред.); «Основной закон свободы» (*The Constitution of Liberty*, 1960, изложение принципов классического либерализма); трилогия «Право, законодательство и свобода» (*Law, Legislation, and Liberty*, 1-й том 1973 г. - «Правила и порядок», 2-й том 1976 г. - «Мираж социальной справедливости», 3-й том 1979 г. - «Политический строй свободного народа»; развивает и углубляет философию либерализма); «Пагубная самонадеянность. Заблуждения социализма» (*The Fatal Conceit: The Errors of Socialism*, 1988; часто оценивается как манифест современного либерализма) и мн. др.

Вклад в развитие политической мысли.

В первые годы научной деятельности Хайек активно занимался исследованиями в области экономической теории, постепенно становясь главным оппонентом английского экономиста *Джона Кейнса* (1883-1946). Однако основной темой работ Хайека с середины 1940-х гг. становится полемика с различными проявлениями тоталитаризма, к которым он относил социализм и социалистическую идеологию. В работе «Дорога к рабству» Хайек предпринял попытку обосновать принципиальную неосуществимость провозглашаемых социализмом целей ввиду неспособности централизованной системы обеспечить соответствие структуры производства общественным потребностям. Целенаправленное осуществление принципов планирования, по Хайеку, неизбежно приводит к тоталитаризму, ибо планирование обязательно сопровождается применением принудительных мер; верховенство закона сменяется верховенством политической власти, а государство проникает во все сферы общественной жизни. Напротив, абсолютное преимущество рыночной экономики, как утверждал Хайек, состоит в способности рынка посредством механизма цен освоить и использовать такой объем информации, обработка которого в интересах экономических агентов при централизованной системе просто нереальна.

Рыночная экономика, согласно Хайеку, представляет собой сложную систему «спонтанного порядка», который возникает в ходе органичного эволюционного процесса. Спонтанные порядки достигаются не за счет движения к некой общей цели, а путем координации действий и соблюдения универсальных правил поведения индивидов, имеющих различные интересы. К спонтанным порядкам Хайек также относил право, мораль, язык.

Согласно Хайеку, общество с рыночной экономикой по природе своей плюралистично. Современное открытое общество (в поисках адекватного термина Хайек обращался к понятиям «великого общества» *А дама Смита* (1723-1790) и «открытого общества» *Карла Поппера* (1902 - 1994) выросло из умения индивидов жить вместе и приносить друг другу пользу, даже не соглашаясь по частным интересам и целям. В последней своей книге «Пагубная самонадеянность» Хайек использовал для современного общества термин «расширенный порядок человеческого сотрудничества». Ключевая для «расширенного

порядка» проблема - это проблема «рассеянного знания», координации знаний, рассредоточенных в обществе с развитым разделением труда среди бесчисленного множества индивидов.

Являясь классиком современного либерализма (либертариизма), Хайек подчеркивал нетождественность противоположностей тоталитаризм/либерализм и авторитаризм/демократия. В первом случае речь идет о пределах государственной власти, во втором - о ее источниках. Для либерала свобода - цель и высшая ценность, а демократия - не более чем средство для достижения свободы. В этом смысл политической философии либерализма Хайека.

ХАНТИНГТОН Сэмюэл

Хантингтон (*Huntington, Samuel Phillips*) Сэмюэл (род. 18 апреля 1927 г., Нью-Йорк) - политолог, представитель «среднего поколения» в американской политологии; эксперт в области внешней и оборонной политики, неоднократно участвовавший в выработке рекомендаций для правительственных учреждений США.

Биография и основные работы

Хантингтон получил степень бакалавра политических наук в Йельском университете в 1946 г., степень магистра - в Чикагском университете в 1948 г., докторскую степень по политическим наукам - в Гарвардском университете в 1951 г. Начал преподавать в Гарвардском университете с 1950 г., став профессором политологии в 1962 г.

Научная деятельность Хантингтона характеризуется плодотворным сочетанием *преподавательской работы* в ведущих университетах США, *аналитических исследований* как прикладного, так и общетеоретического характера по широкому спектру политических и, в частности, военно-политических проблем, и *экспертных консультаций* правительственных учреждений США по актуальным вопросам национальной безопасности и внешней политики. Хантингтон занимал посты: заместителя директора Института исследования войны и мира при Колумбийском университете (1958-1959), координатора в области планирования при Совете национальной безопасности в администрации президента Дж. Картера (1977-1978), исполнительного дирек-

тора и директора Центра международных исследований при Гарвардском университете (1975-1976, 1978-1989), директора Института стратегических исследований им. Дж. М. Олина при Гарвардском университете (1989-2000). В 1970 г. участвовал в основании журнала «Foreign Policy» и был одним из его главных редакторов. В 1984-1985 гг. избирался вице-президентом Американской ассоциации политических наук, в 1985-1987 гг. являлся ее президентом. Неоднократно удостоивался престижных премий в области журналистики и политических исследований; с 1965 г. состоит действительным членом Американской академии наук и искусств.

Автор многочисленных работ, среди которых: «Солдат и государство: теория и политические аспекты гражданско-военных отношений» (*The Soldier and the State: The Theory and Politics of Civil-Military Relations*, 1957); «Совместная оборона: стратегические программы в национальной политике» (*The Common Defence: Strategic Programs in National Politics*, 1961); «Изменение моделей военной политики» (*Changing Patterns of Military Politics*, 1962); «Политическая власть: США-СССР» (*Political Power: USA/USSR*, 1964; соавт. З. Бжезинский); «Политический порядок в изменяющихся обществах» (*Political Order in Changing Societies*, 1968); «Трудный выбор: политическое участие в развивающихся странах» (*No Easy Choice: Political Participation in Developing Countries*, 1976; соавт. Дж. Нельсон); «Американская политика: перспектива дисгармонии» (*American Politics: The Promise of Disharmony*, 1981); «Американская военная стратегия» (*American military strategy*, 1986); «Третья волна: демократизация в конце XX века» (*The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*, 1991); «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (*The Clash of Civilizations and the Remaking of the World Order*, 1996) и др.

Хантингтон также выступил соавтором и редактором более десяти книг и докладов, среди которых выделяется «Кризис демократии» (*The Crisis of Democracy: Report on the governability of democracies to the Trilateral Commission*, 1975; соавт. М. Крозье и Дж. Ватануки), подготовленный для авторитетной международной Трехсторонней комиссии.

Вклад в развитие политической мысли

В круг научных интересов Хантингтона входят: общие проблемы демократии и политического развития, демократизация и полити-

ческая модернизация, внешняя политика и международные отношения, военная политика и проблемы национальной безопасности. Работы Хантингтона в этих областях, часто сопровождавшиеся активными дискуссиями в научных и политических кругах, стали классикой американской политической науки и в значительной степени определили подходы к изучению данных проблем.

В статье «Политическое развитие и политический упадок» (1965) и затем в книге «Политический порядок в изменяющихся обществах» Хантингтон предложил различать концепты *политической модернизации* и *политического развития*, отделив его от *социально-экономической модернизации*. отождествляя политическое развитие с «институционализацией политических организаций и процедур», а политическую модернизацию - с массовой мобилизацией и расширением политического участия, он выдвинул предположение о том, что быстрая модернизация оказывает негативное воздействие на институты и ведет к их упадку. В основе данной гипотезы лежит позитивное представление о политической стабильности, рассматриваемой в качестве абсолютной цели и источника легитимности политических институтов и существующего порядка вне зависимости от задействованных интересов.

Социоэкономическая модернизация - «это процесс, ведущий к *однородности*», порождающий «тенденцию к сходству» современных обществ из-за появления у них «одинакового набора основных качеств» в результате урбанизации, индустриализации, распространения грамотности и т. п. Однако «модернизация приводит в значительной мере к росту числа и многообразия социальных сил в обществе», т. е. социальная структура усложняется: помимо религиозных и этнических групп, свойственных традиционным обществам, появляются профессиональные, классовые и т. п. группы. В традиционном обществе наблюдается «простое политическое единство», часто имеющее «чисто этническую, религиозную или профессиональную основу», для поддержания которого не требуется наличия высокоразвитых политических институтов, однако чем более сложным и разнородным становится в ходе модернизации общество, тем в большей мере оно зависит от эффективного функционирования политических институтов, острый дефицит которых испытывает большинство модернизирующихся обществ. Отсюда вывод Хантингтона о том, что *быстрая* социально-эко-

номическая модернизация порождает политическую нестабильность и упадок в сфере политики.

Под *политической модернизацией* в аналитических целях Хантингтон понимает прежде всего массовую мобилизацию и расширение политического сознания и участия, которые порождают в итоге нестабильность. Однако он принимает и другие общие формулировки модернизации, при этом подчеркивая такие ее элементы как: *рационализация* власти (в результате секуляризации, ослабления традиционных лояльностей, интеграции и централизации появляется собственно политическая власть, в обществе утверждается единый властный центр, обладающий суверенитетом); дифференциация новых политических функций и развитие специализированных структур для их осуществления; массовое политическое участие и появление новых политических институтов для его организации. Политическая модернизация может быть инициирована не только экономическими изменениями, но и интенсификацией социальных коммуникаций, повышением уровня грамотности и т. п.

Определяя институты как «стабильные, высоко оцениваемые, повторяющиеся модели поведения», институционализацию как «процесс приобретения организациями и процедурами стабильности и ценности» и *политическое развитие* как создание сложных и автономных политических институтов, Хантингтон предлагает четыре переменных для определения уровня институционализации организаций, процедур и политических систем: *способность к адаптации* (*adaptability*; как функциональная, так и к вызовам среды), *сложность* (*complexity*; определяется наличием различных элементов, подсистем и функций; сложность в конечном итоге поддерживает стабильность), *автономия* (*autonomy*; автономия политической сферы - атрибут развитой политической системы, способной обеспечить вхождение новых групп в политику по определенным правилам; ее отсутствие или преобладание неполитических средств и методов в политике оборачивается коррупцией), *целостность* (*coherence*). Результатами низкого уровня автономии и целостности являются государственные перевороты и частое вмешательство военных в политику. Атрибутом высоко развитого общества являются политические институты, способные «выражать общественные интересы», причем ключевым институтом современной политики Хантингтону представляется партия (отсюда

рекомендации американскому правительству сосредоточить усилия на поддержке некоммунистического партстроительства в модернизирующихся обществах).

Уровень развития любой политической системы зависит от **соотношения** между политической институционализацией и политическим участием. Из этого Хантингтон делает заключение, что страны главным образом различаются не формами правления, а степенью управляемости и ее источниками. Собственно в плане управления и СССР и США имеют немного фундаментальных различий, поскольку их политические системы, являющиеся достаточно управляемыми, относятся к категории сильных, так как высокие уровни политической институционализации и политического участия находятся в динамическом балансе.

Для демонстрации соотношения политической модернизации и развития, а также их зависимости от социально-экономических процессов Хантингтон выстраивает следующую схему: 1) увеличение социальной мобилизации по сравнению с экономическим развитием ведет к ситуации разочарования вследствие завышенных социальных ожиданий (фрустрации); 2) возрастание социальной фрустрации по сравнению с реальными возможностями мобильности ведут к политизации граждан и, в результате, к росту политического участия; 3) запаздывание политической институционализации, ее несоответствие уровню политического участия ведут к политической нестабильности. Таким образом, если темпы социальной мобилизации и расширения политического участия высоки (результат политической модернизации), а* темпы политической организации и институционализации (показатели политического развития) низки, то результатом станут всеобщее насилие и нестабильность. Отсюда вывод о том, что сознательное или спонтанное увеличение участия необходимо ограничивать различными средствами и/или канализировать его в партийное русло. Наоборот, более высокая стадия развития характеризуется другим выбором: расширение политического участия или экономический рост (соответственно и две модели развития: популистская и технократическая). *Популистская модель* акцентирует увеличение возможностей политического участия, которое сопровождается¹ мероприятиями по обеспечению экономического равенства (путем перераспределения), что может вызвать ухудшение параметров экономического роста. Популистская модель развития в результате резкого роста участия может

привести к разного рода гражданским столкновениям. *Технократическая модель* характеризуется целенаправленным снижением уровня политического участия граждан, увеличением количества инвестиций, высокими темпами экономического роста и неравенством в доходах, что приводит к поляризации общества, которая может вылиться в резкое повышение внеинституционального участия граждан, следствием чего могут стать масштабные социальные потрясения.

Весьма актуальной представляется идея *Уильяма Корнхаузера* (*Politics of mass society*, 1959), к которой обращается Хантингтон для демонстрации последствий политической модернизации в виде резкого перехода к демократии: «Там, где существовавший политический режим высоко авторитарен, его быстрая и насильственная замена демократическим режимом весьма благоприятствует появлению массовых экстремистских движений, которые направлены на преобразование новой демократии в антидемократических направлениях».

Широкое распространение получила концепция волн демократизации, сформулированная в книге *«Третья волна: демократизация в конце XX века»*. Волна демократизации - это «группа переходов от недемократических к демократическим режимам, происходящая в заданный период времени и значительно превосходящая по их числу группу переходов в противоположном направлении». Первая волна демократизации началась в США в 1828 г. и достигла кульминации после Первой мировой войны, когда в 32 странах были установлены демократические режимы. Её откат начался с марша Муссолини на Рим в 1922 г. и завершился в 1942 г., когда в мире осталось только 12 демократических стран. Вторая волна демократизации началась с победы союзников по антигитлеровской коалиции во Второй мировой войне и продолжилась с деколонизацией, достигнув кульминации в начале 1960-х гг., когда демократическими стали 36 стран. Откат второй волны демократизации, в основном из-за военных переворотов, начался с конца 1950-х гг. и завершился к 1973 г., когда демократическими оставались 30 стран. Подъем третьей волны демократизации начался с 1974 г. на юге Европы; она охватила страны с однопартийными (высоко институционализированные с идеологической легитимностью) и военными (военная сила как основной источник власти) режимами, а также с личными диктатурами, многие из которых соответствовали веберовской модели султанистских режимов (Румыния при

Н. Чаушеску, Португалия при А. Салазаре), а также ЮАР с конкурентной расовой олигархией. Хотя внешние факторы демократизации по-прежнему играли важную роль, в отличие от второй волны процессы перехода к демократии в третьей волне в основном были инициированы внутренними причинами и силами.

Хантингтон выделяет три типа процессов (или моделей) перехода: *трансформация* (= реформа, по Х. Линцу; элиты инициируют и возглавляют переход), *смещение* (*replacement* или *ruptura*, по Х. Линцу; оппозиция во главе процесса, авторитарный режим разрушается сам или его свергают); *замещение* (*transplacement*; демократизация как результат совместных действий правительства и оппозиции). Странам с военными режимами проще осуществить переход к демократии, однако в странах с бывшими однопартийными режимами демократия лучше институционализируется. Страны с личными диктатурами демократизируются после: смерти диктатора (Испания после Ф. Франко) при готовности его преемников идти на реформы, свержения диктатуры (Румыния, Филиппины) или, гораздо реже, поражения на выборах (Индия при И. Ганди). Трудности их демократизации связаны со слабостью политических институтов. Свержение личной диктатуры может вести к установлению нового авторитарного режима (Гаити, Иран). Переходы к демократии определяются Хантингтоном как «комплексные политические процессы, включающие борьбу множества групп за власть, за или против демократии, а также за иные цели». Распределение сил между этими группами в значительной степени определяет природу перехода: если в правительстве преобладают консерваторы, а в оппозиции - экстремисты, то демократизация невозможна; и наоборот, если и в правительстве и в оппозиции доминируют сторонники демократии, то переход к ней значительно облегчен. На процессы демократизации наибольшее влияние оказывают взаимодействия по следующим схемам: между правительством и оппозицией; между реформаторами и консерваторами в правящей коалиции; между умеренными и экстремистами в оппозиции, причем их вес в разных типах переходов различен. В конечном счете характер успешных переходов определялся соотношением сил между реформаторами и умеренной оппозицией.

Трансформации, более распространенные в численном отношении, и замещения (в некоторых случаях разница между ними доста-

точно условна) как модели демократического транзита наиболее характерны для большинства военных и однопартийных режимов. Трансформация проходит через пять основных фаз: первая фаза - появление в рамках авторитарного режима либерально и/или демократически настроенных реформаторов; вторая - получение реформаторами власти (лидерам реформаторов необходимо как можно быстрее поставить своих сторонников на ключевые позиции в силовых ведомствах, правящей партии); третья - *провал либерализации* (курс на либерализацию, смягчение, «улучшение» авторитарного режима при его сохранении быстро себя исчерпывает; он ведет или к масштабной демократизации политической системы или к ужесточению режима); четвертая - старая легитимность (*backward legitimacy* - подчеркивает элементы преемственности, связи с прошлым; реформаторам следует проводить демократические реформы посредством процедур и в рамках институтов, установленных еще авторитарным режимом), подавление консерваторов (реформаторы-демократы усиливают свои позиции в правительстве, ослабляя и вытесняя консерваторов, но при этом делая им некоторые компенсации и демонстрируя сохранение связи с прошлым; надо быть готовым к попытке переворота со стороны консерваторов, можно ее спровоцировать и потом безжалостно подавить). Пятая фаза, происходящая уже за пределами авторитарного режима, - *кооптирование оппозиции* (реформаторы-демократы прибегают к консультациям с лидерами оппозиционных групп и движений, результатами которых могут стать открытые переговоры с заключением соглашений или пактов, вроде испанского *Pactos de la Moncloa* в 1977 г.; оппозиция рассматривается реформаторами как опора в конкуренции с консерваторами). Как показывает опыт удачных трансформаций, реформаторы-демократы должны удерживать инициативу по демократизации и стараться гасить неоправданно высокие социальные и политические ожидания, поддерживая при этом умеренную оппозицию и создавая ощущение неизбежности демократических перемен. Замечание как модель демократического транзита (в Польше, Чехословакии, Кореи и т. д.) является результатом совместных действий правительства, которое не имеет принципиальной цели удержать власть во что бы то ни стало (т. е. восприимчиво к негативным издержкам сохранения режима) и готово начать консультации об изменении режима, но само не способно инициировать эти изменения (да и не очень к

ним стремится), и оппозиции (ее основная проблема - фрагментированность), в которой в целом преобладают демократически настроенные умеренные, недостаточно сильные для самостоятельного изменения режима, но готовые при определенных обстоятельствах участвовать в переговорах с правительством. Замещение развивается по определенному сценарию: 1) правительство начинает в стране либерализацию, из-за чего его властный потенциал уменьшается, 2) оппозиция пользуется результатами некоторой либерализации и ослаблением правительства и пытается увеличить свою базу поддержки и активизирует деятельность в надежде сместить правительство, 3) власти предпринимают жесткие меры для остановки политической мобилизации населения оппозицией, 4) в условиях неопределенности правительство и оппозиция понимают, что заходят в тупик, и начинают искать пути к ведению переговоров и достижению компромисса. Однако не исключено, что правительство может жесткими средствами временно восстановить всю полноту власти, или оппозиция продолжит наращивать силы для свержения режима. Это, в свою очередь, выливается в циклы протестов и репрессий (Корея, Чили, Польша). Практически всегда реформаторы от правящего режима и умеренная оппозиция принимают меры по снижению рисков во взаимоотношениях, вырабатывая гарантии, принимая обязательства придерживаться определенных правил и т. п. Это становится возможным, когда они зависят от успехов друг друга.

Смещение характерно в основном для режимов, основанных на личной диктатуре, и значительно отличается от трансформации: в правительстве нет реформаторов или их позиции чрезвычайно слабы; власть полностью монополизирована консерваторами или диктатором, в конечном счете они опираются на военную силу, и в последний момент решающий фактор - на чьей стороне армия. В этих условиях демократизация является результатом потери правящим режимом влияния, что ведет к его саморазрушению или свержению, и приходу к власти оппозиционных групп, подчеркивающих резкий отказ от прошлого, т. е. вместо «старой легитимности» имеет место «будущая легитимность» - *forward legitimacy*. Смещение проходит три основных фазы развития: первая - подготовка падения режима (началом может стать военное поражение, потеря поддержки из-за рубежа и т. п.); вторая - крушение режима (происходит очень быстро); третья - борьба после падения старого режима между пришедшими к власти группами оп-

позиции (в этой фазе для успешной демократизации необходимо преобладание демократически настроенных умеренных; демократам необходимо быстро заполнить возникший вакуум власти, стимулировать создание коалиции на базе оппозиционных групп и быть готовым воспрепятствовать установлению новой диктатуры кем-либо из них).

Третья волна демократизации, приведшая в орбиту демократии 40 стран, с середины 1990-х гг. движется от фазы экспансии к фазе консолидации, и, вероятно, уже начался ее спад. Демократизация ставит перед этими странами ряд проблем, среди которых Хантингтон выделяет три. Во-первых, демократизация вызывает рост *коммунализма*, т. е. широкое распространение социально-политических движений и организаций, основанных на религиозных или этнических принципах (является, таким образом, результатом политизации религиозных или этнических идентичностей, мобилизующей в массовом порядке членов религиозных или этнических групп в сферу политической борьбы), и всплеск *этнических конфликтов*. В новодемократических странах демократические процедуры могут приводить к власти сугубо антидемократические фундаменталистские силы. Во-вторых, страны, осуществляющие переход к демократии, более *агрессивны* во внешней политике, что чревато их участием в различных *военных конфликтах* (Хантингтон ссылается на исследование Э. Мансфилда и Дж. Снайдера «Демократизация и угроза войны»). В-третьих, демократизация имеет побочный эффект в виде распада традиционных ценностей и норм, роста социально неприменимого поведения и т. п. Помимо этих, а также доставшихся в наследство от прошлого проблем, режимы третьей волны сталкиваются с совершенно новыми угрозами, исходящими от участников демократического процесса, приверженных несовместимым с демократией ценностям: придя к власти на конкурентных выборах, они (бывшие коммунисты, исламские фундаменталисты и т.п.) злоупотребляют демократическими процедурами, что ведет к эрозии демократии. Но гораздо более реальная угроза возникает в тех случаях, когда глава исполнительной власти сосредотачивает в своих руках чрезвычайно большие полномочия и начинает управлять указами (страны Латинской Америки, Россия при Ельцине). Отсюда феномен «демократии с прилагательными» (авторитарная, делегативная и т. п.). Кроме того, во многих демократиях третьей волны широко распространены недемократические практики, нарушающие

права и свободы. Некими альтернативными формами правления для некоторых из этих стран становятся «азиатский авторитаризм», обеспечивающий какое-то время высокие темпы экономического роста (Сингапур, Малайзия), и «исламская альтернатива» (Иран), хотя далеко не все собственно исламские страны ей следуют. И тем не менее, только демократия дает обществу возможность обеспечить себя на продолжительный период «хорошим правлением» (*good government*) вне зависимости от добродетелей правителей или народа, на что даже самые продвинутые формы авторитаризма не способны.

В статье «Столкновение цивилизаций?» (1993) и в книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» Хантингтон утверждает, что вместо «конца истории» имеет место превращение факторов культурного характера в основной источник будущих конфликтов в мире, в результате чего они примут форму «столкновения цивилизаций». Данная тенденция является следствием того, что главным критерием различия между людьми становится культурная принадлежность, или идентичность, (складывающаяся из этнических, исторических, религиозных, языковых и т. п. элементов), а традиционные политические, идеологические, экономические и прочие различия постепенно теряют статус доминирующих в политике, которая все больше используется в качестве средства утверждения культурных (цивилизационных) идентичностей. Эти обстоятельства ведут к «преобразованию мирового порядка»: он строится уже не вокруг политико-идеологических блоков государств, как во время холодной войны, а вокруг «восьми-деяти основных цивилизаций мира»: западной христианской, конфуцианской, японской, исламской, индуистской, буддистской, православно-славянской, латиноамериканской и, «возможно, африканской. Результат имеет огромное значение: «В этом новом мире региональная политика осуществляется на уровне этнических отношений, а глобальная - на уровне отношений между цивилизациями. Соперничество сверхдержав уступает место столкновению цивилизаций. .. Самые обширные, серьезные и опасные конфликты будут вспыхивать не между социальными классами, не между богатыми и бедными, не между какими-то иными экономически конкретными группами, а между народами, принадлежащими к разным культурам. Межплеменные войны и этнические конфликты произойдут в рамках цивилизаций...». Конфликты будут разворачиваться вдоль цивилиза-

ционных «демаркационных линий», некоторые из которых проходят по территории или границам России или в непосредственной близости от неё.

ШУМПЕТЕР Йозеф

Шумпетер (*Schumpeter, Joseph Alois*) Йозеф (род. 8 февраля 1883 г., г. Триш, Чехия (Моравия) - умер 8 января 1950 г., г. Таконик, США) - экономист, создавший теории деловых циклов и развития капитализма; политический мыслитель, оказавший глубокое влияние на развитие политической науки, предложив *элитарную концепцию* демократии.

Биография и основные работы

Шумпетер обучался праву и экономике в Венском университете (степень доктора права 1906 г.); в 1909-1918 гг. преподавал в университетах г. Черновцы (Украина) и г. Граца (Австрия); в 1925-1932 гг. - профессор Боннского университета. После эмиграции в США в 1932 г. получил пост профессора в Гарвардском университете, где продолжал преподавать вплоть до 1950 г. В 1919-1920 гг. был министром финансов Австрии. Основатель Эконометрического общества (1933); Президент Американского экономического общества (1949).

Автор фундаментальных работ, среди которых: «Теория экономического развития» (*Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung*, 1911/1934); «Империализм и социальные классы» (*Imperialism and Social Classes*, 1927); «Деловые циклы: теоретический, исторический и статистический анализ капиталистического процесса» (*Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process*, 1939); «Капитализм, социализм и демократия» (*Capitalism, Socialism, and Democracy*, 1942); «История экономического анализа» (*History of Economic Analysis*, 1954) и др.

Вклад в развитие политической мысли

Вклад Шумпетера в развитие политической мысли определяется, прежде всего, его участием в интеллектуальной дискуссии о природе и перспективах социализма и капитализма, способствовавшей появлению таких фундаментальных трудов, как «Управленческая ре-

волюция» (1941) *Джеймса Бернхейма* (1907-1987); «Великая трансформация» (1944) *Карла Полани* (1886-1964); «Дорога к рабству» (1944) *Фридриха Хайека* (1899-1992) и др. По мнению Шумпетера (см. «Капитализм, социализм и демократия»), капитализм в XX в. все больше бюрократизируется, монополизирован из-за роста крупных корпораций, подавляя частного предпринимателя, являющегося главным источником инноваций и движущей силой экономического прогресса, подрывая предпринимательскую этику и отходя от принципов свободного рынка, и даже начинает воспроизводить многие элементы социализма. Тем самым, несмотря на свои успехи, капитализм в перспективе «нежизнеспособен». И вина за это лежит в основном на крупном капитале, а не на радикально настроенных интеллектуалах. В этой связи Шумпетер подчеркивает, что социализм придет на смену именно монополистическому капитализму, и важнейшую роль в этой трансформации сыграет государство, громоздкому бюрократическому аппарату которого будет подчиняться общество и экономика. В целом, пессимизм относительно перспектив капитализма Шумпетер сочетал с критикой марксизма и социализма, при котором будет значительно ограничена личная свобода и т. д.

Исторический и экономический анализ капитализма Шумпетер дополнил рассмотрением теории демократии, утверждая, что демократия ценна только в той мере, в которой позволяет людям добиваться желаемых результатов, и не должна рассматриваться в качестве самоцели (приоритет функционального, а не ценностного аспекта демократии). Подвергнув критике «классическую доктрину демократии», согласно которой демократия зависит от разделяемого гражданами понимания общего блага, что предполагает нереально высокий уровень их компетенции, и всеобщего участия, Шумпетер определил демократический метод как институциональное устройство для принятия политических решений, в котором «индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей», т. е. демократию он воспринимал в качестве процесса отбора элит. В этом смысле демократия аналогична конкурентной борьбе на рынках товаров или услуг: политики - «торговцы голосами» в режиме свободной конкуренции (важный показатель уровня демократии); избиратели - «покупатели», предъявляющие требования. Целенаправленное стремление добиться общего блага, по Шумпетеру, неизбежно ве-

дет к всевозможным спорам, конфликтам и угрожает социально-экономическому прогрессу, являющемуся «неожиданным плодом» капитализма свободной конкуренции. Напротив, преследование частных политических интересов дает гарантию сохранения темпов этого прогресса, оставляя функции принятия политических решений автономным элитам. Предложенная Шумпетером модель «элитарной демократии», или теория конкурентного лидерства, не противоречила эволюционировавшим уже в то время рационально-бюрократическим политическим и экономическим институтам. Положения элитарной концепции демократии получили широкое распространение и продолжение в политической науке (*Роберт Даль* (род. 1915), *Энтони Даунс* (род. 1930) и др.). Шумпетер также немало способствовал внедрению экономических концепций (например, равновесия) в политологию: он сам широко использовал аналогии экономического характера для анализа политических явлений.

Шумпетер принадлежит к числу величайших экономических и политических теоретиков XX столетия, многие идеи которого по-прежнему весьма актуальны. И хотя прогноз относительно смерти капитализма и триумфа социализма сейчас представляется маловероятным, тем не менее он сохраняет силу предостережения.

ШМИТТ Карл

Шмитт (*Schmitt, Carl*) Карл (род. 11 июля 1888 г., Плеттенберг, Вестфалия - умер 7 апреля 1985 г., Плеттенберг) - немецкий политический мыслитель и теоретик права.

Биография и основные работы

После окончания в 1915 г. обучения юриспруденции и государственному праву в университетах Берлина, Мюнхена и Страсбурга, Шмитт преподавал в университетах Грейфсвальда, Бонна, Кёльна и Берлина. В годы Веймарской республики считался одним из самых влиятельных юристов, консультировал правительство, призывал к введению ограничений в отношении радикальных партий, в особенности, национал-социалистов и коммунистов, угрожающих конституционному порядку, и к расширению полномочий исполнительной власти

(президента республики). После прихода нацистов к власти некоторое время успешно сотрудничал с ними и даже занимал видные посты в партийно-государственной иерархии; его работы в 1930-е годы написаны в нехарактерном для него духе антисемитизма и расизма, что, вероятнее всего объясняется попыткой заручиться гарантиями безопасности и получить прощение за прошлую нелояльность нацизму, а также способствовать его консервативной эволюции (последнее, впрочем, было невозможно). Несмотря на статус «коронованного юриста Третьего рейха» в 1936 г. Шмитт был обвинен идеологами СС из газеты «Черный корпус» в оппортунизме, критике нацистской расовой теории и прочих «грехах» (от более серьезных преследований Шмитта спас Г. Геринг). В результате он прекращает публичную деятельность, выходит из нацистских организаций и возвращается к научной и преподавательской работе (в 1933-1945 гг. - профессор государства и права в Берлинском университете), присоединяясь, таким образом, к «внутренней эмиграции», т. е. немецким интеллектуалам, пытавшимся изолироваться от режима, но не противостоять ему в открытую.

Репутация коллаборациониста привела Шмитта в 1945 г. к интернированию союзниками и тюремному заключению на срок более года. С 1950 г. Шмитт был отстранен из-за прошлых связей с нацистским режимом от публичной и преподавательской деятельности. Однако находясь на положении «частного ученого», он продолжал в течение 40 лет активную научную деятельность, работая над фундаментальными проблемами политической и правовой (в особенности, международно-правовой) теорий, много публиковался. С начала 1980-х годов отмечается значительный рост интереса к фундаментальным идеям (особенно раннего периода - с 1922 до 1933 гг.) Шмитта, их ренессанс не только в Германии, но и в других странах.

Автор многочисленных статей и тридцати книг, среди которых: «Диктатура» (*Die Diktatur*, 1921/1978); «Римский католицизм и политическая форма» (*Römischer Katholizismus und politische Form*, 1923); «Понятие политического» (*Der Begriff des Politischen*, 1928/1932); «Легальность и легитимность» (*Legalität und Legitimität*, 1932); «Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете» (*Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität*, I - 1922, II - 1970); «Номос земля в европейском праве народов» (*Der Nomos der Erde im Völkerrecht des Jus Publicum Europaeum*, посмертная публ. 1988) и мн. др.

Вклад в развитие политической мысли

Шмитт входит в число выдающихся и одновременно наиболее противоречивых немецких мыслителей XX столетия. Причиной этому не только факты биографии (как и философ *Мартин Хайдеггер* (1889—1976), Шмитт сотрудничал с нацистским режимом в Германии, а после войны подпал под мероприятия по денацификации), но и неординарность его концепций - в первую очередь, **концепции «политического»**, вызывающих диаметрально противоположные оценки. Шмитта, помимо прочего, часто обвиняли в том, что его критика системы управления Веймарской республики и специфическая интерпретация ст. 48 ее Конституции в пользу чрезвычайных полномочий для главы исполнительной власти способствовали установлению нацистской диктатуры. Однако современные исследования показывают, что эта критика имела целью стабилизацию и нормализацию внутренней политики Веймарской республики, а не установление тоталитарного контроля над политическим сообществом (хотя нацисты и воспользовались интерпретацией Шмитта и высоко оценили его заслуги).

В целом, теоретическая мысль Шмитта претерпела значительную эволюцию: идеи, присущие католическому семейному окружению, и философия неокантианства (ранние работы) сменились в дальнейшем политическим реализмом в духе *Томаса Гоббса* (1588-1679). Подобный интеллектуальный настрой Шмитта, сформировавшийся в трудную для Германии межвоенную эпоху Веймарской республики, способствовал критическому отношению к социальному и политическому прогрессу и к человеку, предстающему в качестве опасного, изменчивого существа. Отсюда сформулированные Шмиттом тезисы о неизбежности конфликтов как во внутренней, так и во внешней политике; о **всепроницающем** характере политики и ее **несводимости** к экономическим, этическим, религиозным и пр. противоречиям; о важнейшей роли государства, единственно способного защитить граждан от внешних врагов и обеспечить внутренний мир и стабильность, а также восприятие главного критерия политического в виде «различия друга и врага».

В области юриспруденции Шмитт был сторонником теории **деционизма** (*decisionism*, от лат. *decisio* - решение), в основе которой положение о том, что в государстве определяющее значение имеет *решение*, а не право (норма), призванное регулировать стабильные и при-

вычные ситуации и отношения (именно эти «нормальные», в обыденном смысле, ситуации являются целью государственной политики); более того, при интерпретации права следует руководствоваться социальными и политическими реалиями (в этом заключается принципиальное отличие деционизма от нормативистской школы *Ганса Кельзена* (1881-1973) и либерального плюрализма *Гарольда Ласки* (1893—1950). Решение становится совершенно необходимым в экстремальных ситуациях, угрожающих самому существованию политического сообщества, государства. Но обусловленное суверенитетом право принимать такие решения имеет только государственная власть, иначе передача этого права кому бы то ни было означает потерю государственного суверенитета и может привести к гражданской войне (при узурпации такового права одной из внутривнутриполитических сил). В области конституционного права Шмитт утверждал, что в конституциях есть положения, малейшее нарушение, отступление или изменение которых ведет к полному разрушению конституционной структуры, к фактической отмене конституции, и поэтому подобные положения подлежат особой защите (даже если требования внесения изменений в это смысловое «ядро» конституции имеют массовую поддержку), в том числе при помощи чрезвычайных, по сути диктаторских, полномочий главы государства.

Шмитт определял понятие *политического* через *специфически политические* критерии, отличные от критериев других сфер человеческой жизни (морали, экономики и т. д.). Такие критерии основаны на «последних различениях» соответствующих сфер (например, в области морали - это различие благого и злого, в экономике - прибыльного и убыточного), однозначно указывающих на их предметную самостоятельность. Специфически политическим различием, по Шмитту, является «различение **друга** и **врага**», означающего «высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации». И хотя *политическое* не означает никакой собственной предметной области, а только указывает на степень интенсивности ассоциации или диссоциации людей, которая (высокая степень) позволяет не сводить *политическое* к другим сферам человеческой жизни, наполняет мир политики своим особым смыслом и требует руководствоваться иными подходами при анализе политики как таковой. Уже поэтому «врага» и «друга» следует «брать в их конкретном, эки-

стенциальном смысле». «Враг» в такой трактовке понимается как нечто или нечто иное, «не наше», чужое, отстаивающее «свой собственный, бытийностный род жизни»; это «не конкурент и не противник», тем паче не результат личного пристрастия или антипатии, но «борющаяся совокупность людей, противостоящая точно такой же совокупности» в публичной сфере. Противоположности, вызываемые различными причинами и принимающие любые формы (конкуренция, дискуссия), существуют в любой сфере человеческой жизни, и любая конкретная противоположность в принципе может стать политической, если начинает эффективно разделять людей на «друзей» и «врагов» в публичной сфере. Шмитт делает акцент на конкретности ситуации, в которой возникает противоположность, а иначе все политические понятия, представления и т. п. становятся «пустыми фикциями», теряя «полемический смысл». Из всего сказанного следует вывод о всепроникающем характере политики, принципиальной невозможности ее изоляции от общества, и наоборот.

Разделение на «друзей» и «врагов», по мнению Шмитта, находит выражение в борьбе, понимаемой «в смысле бытийственной изначальности». Нет смысла говорить о политике, если не «наличествует реальная возможность борьбы», связанной, в свою очередь, с возможностью возникновения «решающего случая» (нем. *Ernstfall* - «серьезный оборот дел»), предполагающего физическое уничтожение. Конечно, политика не тождественна кровопролитию, войне (между государствами или гражданской), революции, но они воплощают постоянно присутствующую возможность предельного случая политики.

Шмитт акцентировал связь политического и государства: «Понятие государства предполагает понятие политического». Однако, по его мнению, приравнивать *политическое* и *государственное* неверно. Государство - это «особого рода состояние народа, которое в решающем случае оказывается наиважнейшим», это «статус как таковой», «суверенное главенствующее политическое единство». Именно государство обладает правом определить «врага» (внутреннего и внешнего) и начать с ним борьбу (войну), то есть правом принять «решение относительно самого важного случая».

Из специфики политического следует также, что политический мир, понимаемый как совокупность государств, плюралистичен: он

«плюриверсум», а не «универсум». Это также означает, что в мировом масштабе политическое единство уже теоретически невозможно.

Идеи Шмитта (особенно раннего периода - с 1922 по 1933 гг.) были поддержаны в предвоенный период сторонниками т. н. консервативной революции, а также нашли развитие в трудах таких выдающихся мыслителей, как *Ганс Моргентхау* (1904-1980), *Карл Фридрих* (1901-1984), *Лео Стросс* (1899-1973) и др.

ЭЙЗЕНШТАДТ Шмуэль Ноах

Эйзенштадт (*Eisenstadt, Shmuel Noah*) **Шмуэль Ноах** (род. 10 сентября 1923 г., Варшава) - социолог, специалист в области сравнительных исследований цивилизаций и общетеоретических проблем развития, революций и модернизации.

Биография и основные работы

Эйзенштадт обучался в Еврейском университете в Иерусалиме; в 1948 г. защитил докторскую диссертацию в Лондонской школе экономики. В 1951 г. возглавил Социологическое отделение Еврейского университета в Иерусалиме. В 1960-1990 гг. преподавал в качестве приглашенного профессора (*visiting professor*) в Гарвардском, Чикагском, Стэнфордском, Венском, Цюрихском и других ведущих университетах мира, совмещая преподавательскую деятельность с систематической исследовательской работой. За вклад в развитие социальных наук неоднократно удостоивался различных наград и научных званий, в том числе избран почетным доктором Гарвардского университета. В настоящее время Эйзенштадт не занимает научно-административных постов и ведет самостоятельную исследовательскую работу.

Автор многочисленных работ, среди которых: «От поколения к поколению» (*From Generation to Generation*, 1956); «Имперские политические системы» (*The Political Systems of Empires*, 1963); «Сравнительные исследования институтов» (*Essays on Comparative Institutions*, 1965); «Модернизация: сопротивление и изменение» (*Modernization: Protest and Change*, 1966); «Общество Израиля» (*Israeli Society*, 1969); «Традиционный патримониализм и современный неопатримониализм» (*Traditional Patrimonialism and Modern Neopatrimonialism*, 1973); «Тра-

диция, изменение и современность» (*Tradition, Change and Modernity*, 1973); «Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций» (*Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*, 1978); «Европейская цивилизация в сравнительной перспективе. Исследование связей культуры и социальной структуры» (*European Civilization in a Comparative Perspective: A Study in the Relations between Culture and Social Structure*, 1987); «Власть, доверие и значение. Эссе по социологической теории и анализу» (*Power, Trust and Meaning: Essays in Sociological Theory and Analysis*, 1995); «Японская цивилизация в сравнительной перспективе» (*Japanese Civilization: A Comparative View*, 1996); «Парадоксы демократии» (*Paradoxes of Democracy: Fragility, Continuity and Change*, 1999); «Фундаментализм, сектанство и революции. Якобинское измерение современности» (*Fundamentalism, Sectarianism and Revolutions: the Jacobin Dimension of Modernity*, 2000) и мн.др.

Вклад в развитие политической мысли

В круг научных интересов Эйзенштадта входят общетеоретические проблемы социологии (человеческая деятельность и факторы ее формирования, социальные группы и институты, социальная регуляция и взаимодействие, соотношение между культурными системами и политической системой, общества, цивилизации и их динамика, историческая преемственность в развитии и др.) и сравнительных исследований как социологического, так и политологического характера, проблемы социальных изменений и теории модернизации. Работы Эйзенштадта по проблематике модернизации способствовали отказу социальных наук от прямого противопоставления современного и традиционного обществ и их основополагающих принципов, а также росту интереса к изучению традиционных и переходных обществ, кризисных явлений модернизации и т. п.

Модернизация, в концепции Эйзенштадта, - это набор требований (вызовов), на который общество должно ответить в процессе развития, исходя из присущих ему принципов, организационных структур и символов. Изданного определения следует, что модернизация не обязательно имеет своим финалом усвоение достижений Запада. Модернизация реализуется как совокупность изменений в традиционном (переходном) обществе, которые Эйзенштадт классифицирует следу-

ющим образом: обособленный тип изменений (незначительное соединение изменений в отношении доступа к власти и остальных сферах регуляции общества; слабое влияние на сложившуюся политическую систему); совокупный тип изменений (относительно высокий уровень соединения изменений в отношении доступа к власти и остальных сферах регуляции общества; интеграция осознающих свои цели движений протеста и политической борьбы); специфический тип изменений (присущ преимущественно историческим городам-государствам, изменения более отчетливы; создается новая политическая символика и т. д.). Одним из проявлений процесса модернизации являются движения протеста, которые могут принять характер революций. Для революций современности характерны: «а) связь между различными движениями протеста, б) их воздействие на политическую борьбу в центре, в) выраженная идейная основа, г) наличие самостоятельной структурной организации» (*«Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций»*).

Что касается *политической модернизации*, то ее Эйзенштадт определяет как «совокупность процессов, в рамках которых появляются и развиваются новые типы политических требований и организаций», «как потенциальную возможность поддерживать постоянные изменения» (*«Бюрократия и политическое развитие»*, 1969). Политическая модернизация характеризуется развитием ряда общих качеств, часть которых «свойственны до-современным системам и которые часто являются предвестниками и необходимыми условиями модернизации». По мнению Эйзенштадта, политической модернизации присущи четыре основополагающих особенности. Первой является высокий уровень дифференциации политических ролей и институтов, а также развитость «централизованной и единой политики с определенными задачами и ориентирами». Вторая особенность состоит в расширении деятельности центральных административных и политических организаций и их постепенное проникновение во все сферы жизни общества. Третья особенность феномена политической модернизации заключается в тенденции к получению все более широкими группами потенциальной политической власти (фактически любой совершеннолетний член политики может получить власть). Четвертой особенностью является ослабление традиционных элит и традиционной легитимации правителей, равно как и рост ответственности (идеоло-

гической и институциональной) правителей перед управляемыми, наделенными потенциальной политической властью, то есть способными влиять на принятие решений и формулирование политики.

Все эти тенденции связаны «со всевозрастающей гибкостью политической поддержки и уменьшением... верности традиционному правителю или группе правителей, ... что заставляет правителей искать у подданных политической поддержки для сохранения своей ... власти» (*«Бюрократия и политическое развитие»*), а также для проведения политики и претворения своих целей. Результатом этих процессов является участие всех граждан в выборе правителей и определении основных политических целей, и в меньшей степени - в формировании политики. Такое участие граждан стало чертой, отличающей современные политические системы от традиционных, так как даже тоталитарные режимы современности не считают политическую пассивность и традиционную идентификацию данностью и стремятся их постепенно ослабить и разрушить. Перед подобными режимами стоит задача создания некой институциональной иллюзии власти граждан, реализуемой, например, в рамках выборов. И хотя гражданам в таких системах не разрешается пользоваться этой потенциальной политической властью, однако она официально признана в избирательном праве, и правящая группа формулирует свою политику в том числе из расчета ее проявления, которое может нанести ущерб власти данной группы. Более того, тоталитарные и прочие недемократические режимы стремятся не столько предотвратить спонтанное появление организаций граждан, могущих принимать участие в политическом процессе, сколько поставить их под свой контроль, манипулировать ими. Отличие между современными демократическими, переходными и тоталитарными системами состоит, таким образом, в том, как правящая элита (правители или группа правителей) реагирует на само существование этой власти у граждан и ее проявления. Эйзенштадт особо подчеркивает, что появление у граждан потенциальной политической власти становится эффективным индикатором политической модернизации, которая может принимать различные формы при сохранении общего содержания.

ЭНГЕЛЬС Фридрих

Энгельс (*Engels, Friedrich*) Фридрих (род. 28 ноября 1820 г., Бармен, Пруссия - умер 5 августа 1895 г., Лондон) - немецкий философ, социолог и экономист; соратник Карла Маркса и один из основоположников «научного коммунизма».

Биография и основные работы

Энгельс родился в семье промышленника; в 1838-1841 гг. по воле отца обучался предпринимательству в Бремене; в 1841-1842 гг. проходил воинскую службу в Берлине, где посещал лекции в университете, примкнув к радикально настроенным «младогегельянцам», а также ознакомился с трудами французских социалистов и коммунистов. В 1842 г. Энгельс переехал в Манчестер для службы в семейной торговой конторе, которую он успешно совмещал с интенсивным изучением экономических, социальных, философских и пр. проблем. С августа 1844 г. начинается многолетнее сотрудничество с Карлом Марксом, в котором Энгельс выступал в качестве эксперта по военным («военный теоретик пролетарской партии»), международным, экономическим, общенаучным и национальным вопросам. С 1845 г. Энгельс занялся политической деятельностью, состоявшей в пропаганде коммунистических идей, и сыграл большую роль в создании в 1847 г. в Англии «Союза коммунистов» и организации его филиалов в ряде стран Европы. В феврале 1848 г. выходит в свет «Манифест Коммунистической партии», значительную работу над которым провел именно Энгельс. Участие Маркса и Энгельса (который также успел поучаствовать в «массовых народных выступлениях») в революции 1848-1849 гг. в Германии главным образом заключалось в издании ими «Новой рейнской газеты». После провала революции они переезжают в Англию, где Энгельс в 1850 г. возобновляет службу в семейной конторе в Манчестере, став успешным предпринимателем и полноправным участником делового партнерства. Вместе с Марксом руководил деятельностью I Интернационала (1864). С 1870-х гг. Энгельс популяризировал и защищал идеи Маркса, после смерти которого составил и отредактировал 2-й и 3-й тома «Капитала». Энгельс стал главным авторитетом в учении марксизма и в рабочем движении, консультируя рабочие и коммунистические партии; состоял в переписке с русскими ре-

волюционерами; принял участие в создании II Интернационала «на марксистской основе» (1889 г.).

Автор большого творческого наследия, включающего в частности: «Положение рабочего класса в Англии» (*Die Lage der arbeitenden Klasse in England*, 1845), «Анти-Дюринг» (полное название: «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом»-*Herrn Eugen Dühring's Umwälzung der Wissenschaft*, 1878), «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (*Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staats*, 1884), «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (*Ludwig Feuerbach und der Ausgang der klassischen deutschen Philosophie*, 1886), «Диалектика природы» (*Dialektik der Natur*, 1873-1883; незакончено) и др.

Вклад в развитие политической мысли

Энгельс пользовался в советском обществоведении, углубленно исследовавшем его творчество и деятельность, статусом «признанного вождя и учителя пролетариата», создавшего в содружестве с Марксом «теорию научного коммунизма, изучающую социальное движение, направленное на ликвидацию капитализма и построение социалистического, а затем коммунистического общества» и «философию диалектического и исторического материализма». Обычно считается, что в творческих отношениях с Марксом Энгельс выступал в качестве «ведомого», ибо не раз отзывался о Марксе как об «истинном гении», «самом могучем уме нашей партии». Однако их переписка свидетельствует о другом: Энгельс не только помогал Марксу материально, но и снабжал его необходимой экономической и технической информацией, выступал в качестве его редактора и консультанта по широкому кругу проблем. Следует также отметить, что после работы «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса даже называли «наиболее талантливым и информированным немецким социологом», и сам Маркс признал (и использовал) работу «Наброски к критике политической экономии» (1844) гениальным конспектом критики экономических категорий и первым изложением общих принципов научного коммунизма. В отличие от Маркса, «обращение» Энгельса в коммунизм во многом можно объяснить его осведомленностью о реальном положении рабочего класса, по крайней мере в Англии (и соответствующей сильной эмоциональной реакцией). Собственные работы Энгель-

са не только защищали, порой в очень агрессивной форме, и популяризировали теоретические идеи Маркса, но также способствовали созданию и обоснованию «целостной философии марксизма». В этом отношении важна написанная Энгельсом в ответ на критику марксизма *Е. Дюрингом* книга (точнее, его сборник статей плюс глава Маркса) «Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом», или «Анти-Дюринг», в которой в полемической манере «разобраны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук» (это слова *В.И. Ленина*), что должно было продемонстрировать состоятельность марксизма как мировоззрения и всемогущего учения, которому подвластны любые философские, исторические, экономические, научные и пр. проблемы. По этой причине марксизм советского толка очень высоко оценил эту книгу, сочтенную им «идейным оружием трудящихся в борьбе против буржуазной идеологии и всех отступлений от марксизма» и «образцом защиты научного мировоззрения и интересов революционного пролетариата». В данном труде Энгельс изложил основы диалектического и исторического материализма (согласно материалистическому пониманию истории, экономические силы есть ее движущие силы), охарактеризовал законы диалектики (наблюдаемая реальность диалектична), рассмотрел ряд проблем естествознания, разобрал экономические концепции Маркса, оправдал приемлемость насилия в революциях, нарисовал претендующую на научность картину будущего коммунистического общества (там государство отомрет само по себе, экономика станет плановой, будет уничтожена противоположность между умственным и физическим трудом, городом и деревней и т.п.). Другое «незаменимое пособие для изучения марксизма» - работа «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», в которой Энгельс представил марксистскую диалектику и философскую концепцию - диалектический и исторический материализм (краеугольное положение: существуют только материя и законы ее движения и изменения).

Энгельс выступал последовательным сторонником революционного, насильственного переустройства мира, оказав этим особое влияние на русских революционеров. Если в интеллектуальной истории марксизма Маркс олицетворяет собой связь с классической немецкой философией, то Энгельс - с ранним, в особенности французским, социализмом.